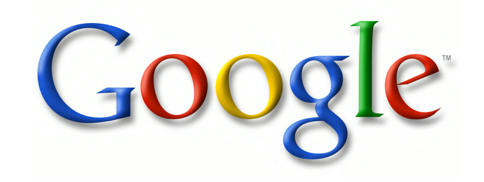
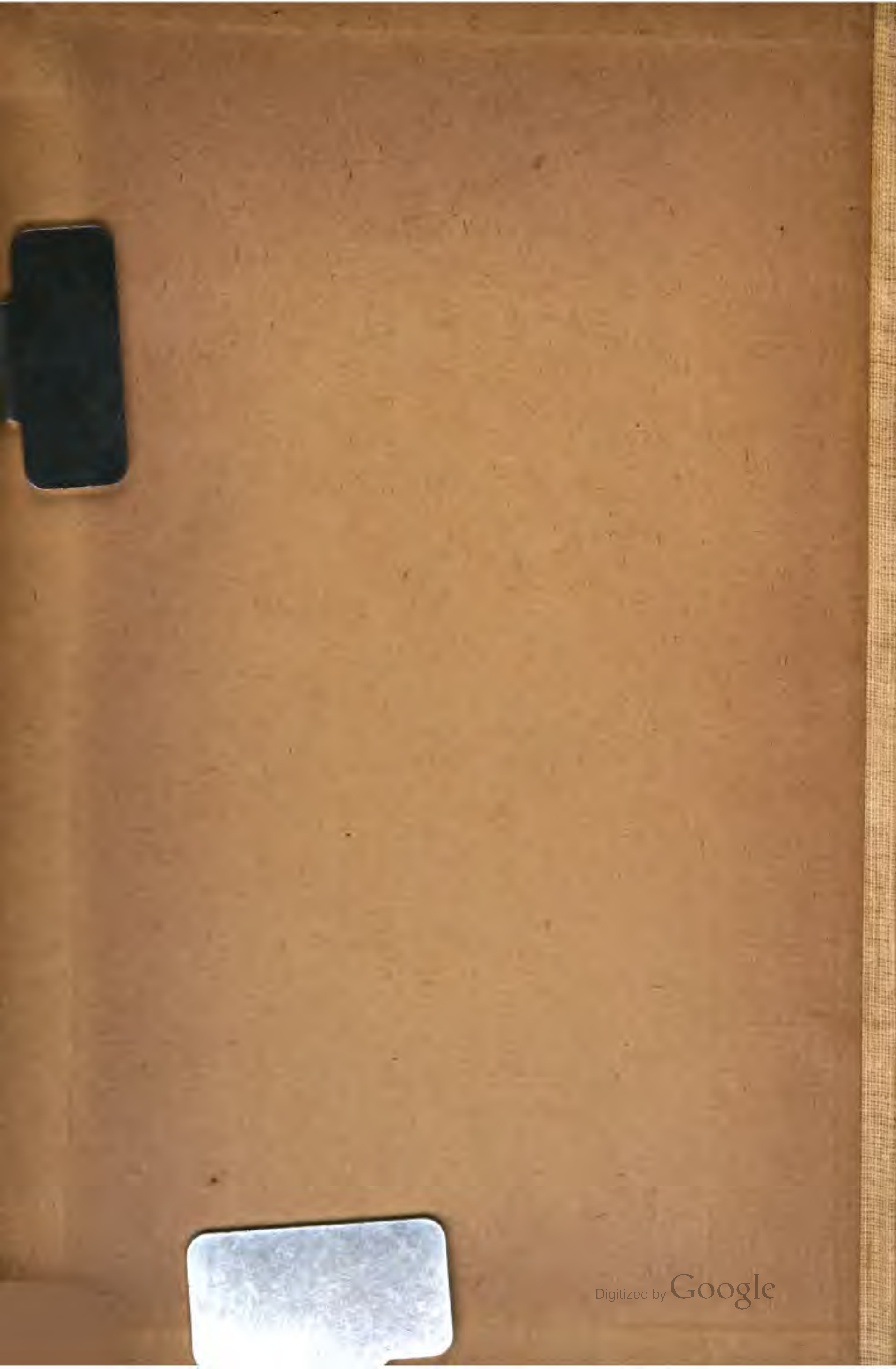

DER TOD PAUL I.

von

D. S. MERESCHKOWSKI

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

Смерть Павла I

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW
VERLAG

Въ нашемъ издательствѣ выходятъ подъ редакціей **А. Б. Левина,** русскаго врача въ Висбаденѣ:

Спутники
по нѣмецкимъ курортамъ.

Поступили въ продажу:

Серія I. № 1.

Висбаденъ.

Цѣна 1 мар. 20 пф.

Серія II. № 1.

Меранъ-Арко.
Гризъ-Боценъ.

Цѣна 1 м. 20 пф. (1½ Kr.)

Продаются на всѣхъ вокзалахъ и во всѣхъ магазинахъ, торгующихъ русскими книгами.

Печатаются

и въ ближайшемъ будущемъ поступятъ въ продажу новыя книги:

М. Горькій — Послѣдніе.

М. Горькій — Жизнь ненужнаго человѣка.

Der Tod Paul I.

Schauspiel von D. Mereschkowski

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ

СМЕРТЬ ПАВЛА I

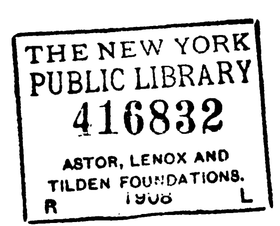
Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ

BERLIN

Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren

J. Ladyschnikow

1908

DRUCK DER SPAMERSCHEN BUCHDRUCKEREI
IN LEIPZIG

ЦАРСТВО ЗВѢРЯ.

I. Павелъ I.

II. Александръ I.

III. Николай I (Декабристы).

Первое дѣйствіе

Первая картина

Вахтъ-парадъ. Площадь передъ Михайловскимъ замкомъ. Въ глубинѣ — замокъ и Лѣтній садъ. Справа — деревья, караульная будка и шлагбаумъ, полосатые, въ три цвѣта — красный, черный, бѣлый. Слѣва — крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянною дверью. Раннее зимнее утро. Сѣрое небо. Вдали слышны барабаны и трубы.

Павелъ, императоръ. Александръ и Константинъ — великіе князья, сыновья Павла. Гр. Паленъ, военный губернаторъ Петербурга. Депрерадовичъ, генералъ, командиръ Семеновскаго полка. Талызинъ, генералъ, командиръ Преображенскаго полка. Кн. Яшвиль, капитанъ гвардіи артиллерійскаго батальона. Мамаевъ, генералъ. Тутолминъ, полковникъ. Фельдфебель. Солдаты.

Александръ и Константинъ стоятъ на крыльцѣ, грѣясь у походной жаровни.

КОНСТАНТИНЪ. Звѣремъ былъ вчера, звѣремъ будетъ и сегодня.

АЛЕКСАНДРЪ. Вчера троихъ засѣкли кнутомъ.

КОНСТАНТИНЪ. Однихъ кнутомъ, другихъ — шпицрутеномъ. А впрочемъ, наплевать, всѣ тамъ будемъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Холодно, холодно, у-у! Рукъ не согрѣешь. Намедни генералъ Кутузовъ ухо отморозилъ, едва саломъ оттерли.

КОНСТАНТИНЪ. А у нѣмца Канабиха штаны примерзли. Одна пара лосинъ; самъ съ утра моетъ; не высохли, да на морозѣ-то и примерзли; чуть съ кожей не отодрали; деньщикъ деретъ, а нѣмецъ оретъ. Ну, да подѣломъ ему, сволочи: какъ собака на людей кидается; одному солдату усъ выщипнулъ съ мясомъ, другого за носъ укусилъ. А впрочемъ, наплевать...

АЛЕКСАНДРЪ. Ворòны-то въ Лѣтнемъ саду какъ раскаркались! Вѣрно, къ оттепели. Когда вѣтеръ съ юга и оттепель, то батюшка сердится.

КОНСТАНТИНЪ. Нынче не отъ вѣтра, чай, а отъ княгини Гагариной. Вчера поссорились.

АЛЕКСАНДРЪ. У меня письмо отъ нея къ батюшкѣ.

КОНСТАНТИНЪ. Хорошо, что письмо. Коли сердиться будетъ, отдай. Родинка, родинка — все наше спасеніе...

АЛЕКСАНДРЪ. Какая родинка?

КОНСТАНТИНЪ. А на правой щекѣ у княгинюшки. Я думалъ сперва, мушка; да нѣтъ, настоящая родинка, и прехорошенькая...

АЛЕКСАНДРЪ. Тише, тише — идетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Спрячемся. Авось, не увидитъ.

АЛЕКСАНДРЪ (крестясь). Господи помилуй! Господи помилуй!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ, махая военною тростью.

ПАВЕЛЪ. Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! (Останавливаясь.) Смирно-о!

Изъ шеренги въ шеренгу повторяется команда: «Смирно-о! Смирно-о!»

ПАВЕЛЪ. Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

ПАВЕЛЪ. Строить фронтъ захожденіемъ взводовъ! Направо кругомъ маршъ!

Солдаты маршируютъ въ противоположную сторону. Барабанъ.

ПАВЕЛЪ (махая тростью). Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! Ноги прямо, носки вонъ! Штыкъ равняй, штыкъ равняй! Ноги прямо, носки вонъ! Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!

Павелъ уходитъ.

КОНСТАНТИНЪ. Гляди-ка, Саша: двѣнадцать шеренгъ, какъ равняются! Самъ бы король Прусскій позавидовалъ. Ахъ, чортъ побери, вотъ это по-нашему, по-Гатчински! А, все-таки, быть бѣдѣ...

АЛЕКСАНДРЪ. А что?

КОНСТАНТИНЪ. Аль не замѣтилъ, въ углу рта жилка играетъ? Какъ у него эта жилка заиграетъ, такъ быть бѣдѣ... Я намедни въ Лаврѣ кликушу видѣлъ, монахи го-

ворятъ — бѣсноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упалъ и забился...

АЛЕКСАНДРЪ. Что ты, Костя? Неужели батюшка?...

КОНСТАНТИНЪ. Тс-тс. Идетъ.

Входитъ Павелъ, окруженный свитою: командиры Преображенскаго полка Талызинъ, Семеновскаго Депререрадовичъ, артиллерійскій полковникъ, кн. Яшвиль, военный губернаторъ Петербурга, графъ Паленъ и другіе. Солдаты строются во фронтъ.

ПАВЕЛЪ. Преображенскаго командира сюда!

Талызинъ подходитъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ. Свѣдалъ я, сударь, что вашего полка господа офицеры вездѣ разглашаютъ, будто не могутъ ни въ чемъ угодить. А посему извольте имъ объявить, что легкій способъ кончить сіе — вовсе кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочетъ служить, поди прочь — никого не удерживаютъ.

ТАЛЫЗИНЪ. Ваше величество...

ПАВЕЛЪ. Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать. Съ удивленіемъ усматриваю, что въ исправленіи должности вашей вы все еще старыхъ обрядовъ держитесь, кои болѣе четырехъ лѣтъ искоренить стараюсь. Только въ передней да пляскѣ обращаться, шаркать по паркету умѣете.

ТАЛЫЗИНЪ. Государь...

ПАВЕЛЪ. Молчать! Я изъ васъ Потемкинскій духъ, сударь, вышибу! Туда зашлю, куда воронъ костей не заносилъ.

Павелъ, съ Депререрадовичемъ, кн. Яшвилемъ и прочею свитою, кромѣ Талызина и Палена, уходятъ.

ПАЛЕНЪ. За что это васъ, генералъ?

ТАЛЫЗИНЪ. Солдатъ не въ ногу ступилъ, а у другого растегнулась пуговица.

ПАЛЕНЪ. За пуговицу, — вотъ такъ штука, неугодно ли стаканъ лафита!

ТАЛЫЗИНЪ. Не служба, а каторга! Въ отставку — и кончено!

ПАЛЕНЪ. Да, крутенько, крутенько. А все-таки съ отставкой погодите-ка, ваше превосходительство. Такіе люди, какъ вы намъ теперь нужны особенно. (На ухо.) Эта кутерьма долго существовать не можетъ...

Депрерадовичъ вбѣгаетъ, запыхавшись.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Бѣда! Бѣда!

ПАЛЕНЪ. Что такое?

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Въ девятой шеренгѣ чортъ дернулъ поручика скомандовать вмѣсто: «Дирекція направо» — «Дирекція налѣво». И пошло, и пошло. Люди съ шагу сбились, ошалѣли отъ страха, команды не слушаютъ; командиры, какъ угорѣлые, мечутся. А государь только кричитъ: «Въ Сибирь!»

ПАЛЕНЪ. Помните, господа, въ прошломъ-то году Измайловскому полку скомандовалъ: «Направо кругомъ маршъ — въ Сибирь!» Такъ вѣдь и пошелъ весь полкъ къ Московской заставѣ и дальше по тракту, — остановили только у Новгорода. Вотъ и теперь, пожалуй, — прескверная штука, неугодно ли стаканъ лафита!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Пропали, пропали мы всѣ!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ.

ПАВЕЛЪ. Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

КОНСТАНТИНЪ (на ухо Александру). Жилка-то, жилка, смотри! Ну, теперь только держись!

АЛЕКСАНДРЪ (крестясь). Господи помилуй! Господи помилуй!

ПАВЕЛЪ. Въ пятой шеренгѣ фельдфебель — коса не по мѣркѣ. За фронтъ!

Фельдфебеля подводятъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ. Что у тебя на затылкѣ, дуракъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (заикаясь). К-коса, ваше величество.

ПАВЕЛЪ. Врешь! Хвостъ мышій. Мѣрку!

Подаютъ палочку для измѣренія косъ. Мѣритъ.

ПАВЕЛЪ. Вмѣсто десяти вершковъ, семь. Букли выше середины уха. Пудра ссыпалась, войлокъ торчитъ. Какъ же ты съ этакой прической во фронтъ явиться смѣлъ, чучело гороховое?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (заикаясь). П-парикмахеръ...

ПАВЕЛЪ. Я тебѣ покажу, сукинъ сынъ, парикмахера! Букли долой! Косу долой! Все долой!

Срываетъ съ фельдфебеля парикъ и топчетъ ногами.

ПАВЕЛЪ. Срамъ! Срамъ! Срамъ! Бить нещадно! Двѣсти... триста... четыреста палокъ! Генералъ Мамаевъ!

Входитъ Мамаевъ.

ПАВЕЛЪ. Извольте, сударь, слѣдить за экзекуціей. Тутъ же на мѣстѣ, безъ промедленія. Съ васъ взыщется.

Уходитъ. Фельдфебеля ведутъ въ экзерциргаузъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (падая на колѣни передъ Александромъ). Ваше высочество, тридцать лѣтъ въ походахъ. У свѣтлѣйшаго князя Суворова. На штурмѣ Измаила раненъ... И какъ собаку, палками! Ужъ лучше разстрѣляли бы!... Батюшка, смилуйтесь!

АЛЕКСАНДРЪ (закрывая лицо руками). Господи! Господи!

МАМАЕВЪ (толкая ногой фельдфебеля). Ступай, чортъ, ступай! (Солдатамъ.) Ну-ка, ребята, живѣе!

Солдаты втаскиваютъ фельдфебеля въ дверь экзерциргауза. Туда же — Мамаевъ.

АЛЕКСАНДРЪ. А вѣдь онъ его запоретъ, Костя?

КОНСТАНТИНЪ. Запоретъ. Скотина прелютая. Отца не пожалѣетъ, только бы выслужиться. Ну гдѣ старику четыреста палокъ выдержать! Да, жаль... А впрочемъ, наплевать — всѣ тамъ будемъ... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорѣе бы отдалъ? Авось, подобрѣетъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Сейчасъ.

Входитъ Яшвиль.

ПАЛЕНЪ. Что съ вами, князь?

ЯШВИЛЬ. По щекѣ меня...

ПАЛЕНЪ. Ай, ай! Вотъ и кровь! Должно быть, зубъ вышибъ. Примочку бы, а то распухнетъ. И за что васъ такъ?

ЯШВИЛЬ. За цвѣтъ мундирной подкладки у нижняго чина... Сего тиранства терпѣть не можно! Честью клянусь, онъ мнѣ за это...

ПАЛЕНЪ. Не говорите-ка лишняго... А я вамъ лучше вотъ что скажу. (Отводя Яшвиля въ сторону.) Подлецъ, кто говоритъ, молодецъ, кто дѣлаетъ!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Господа, глядите: за Тутолминымъ съ палкою гонится, между шеренгами. Точно въ пятнашки играютъ. Сюда бѣгутъ.

Полковникъ Тутолминъ вбѣгаетъ.

ТУТОЛМИНЪ. Не выдавайте! Убьетъ!

Перескакиваетъ черезъ шлагбаумъ и убѣгаетъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ (въ догонку Тутолмину). Въ манежъ бѣги — на сѣновалѣ спрячешься.

КОНСТАНТИНЪ. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, Сашенька. Вотъ онъ — ступай!

АЛЕКСАНДРЪ. Не подождать ли, Костя? Видишь, съ палкой. Прибьетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Экій ты, братецъ, мямля. Чего зѣвать? Сколько еще народу перепортитъ. (Подталкивая Александра.) Да ну-же, ступай!

АЛЕКСАНДРЪ (крестясь). Господи, помилуй! Господи помилуй!

Павелъ вбѣгаетъ съ поднятою тростью.

ПАВЕЛЪ. Держи! Держи!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Кого?

ПАВЕЛЪ. Тутолминъ, сукинъ сынъ! Гдѣ онъ?

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Здѣсь нѣтъ, государь.

ПАВЕЛЪ. Врете! Сюда пробѣжалъ. Я самъ видѣлъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Никакъ нѣтъ, ваше величество.

Александръ подходитъ къ Павлу и подаетъ письмо.

АЛЕКСАНДРЪ. Батюшка...

ПАВЕЛЪ. Къ чорту!

АЛЕКСАНДРЪ. Отъ княгини Гагариной...

ПАВЕЛЪ. Давай.

Павелъ читаетъ письмо. Депрерадовичъ всходитъ на крыльцо и становится рядомъ съ Константиномъ.

КОНСТАНТИНЪ (крестясь). Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Кажись, дѣйствуетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Да, лицо посвѣтлѣло. Усмѣхается. Ну, слава Богу, слава Богу. Вывезла родинка... Молодецъ Аннушка!

ПАВЕЛЪ. Monseigneur.

АЛЕКСАНДРЪ. Sire?

ПАВЕЛЪ. На одно словечко, ваше высочество. Графъ фонъ-деръ-Паленъ, извольте команду принять. А я сію минуту....

Всѣ уходятъ, кромѣ Константина и Депрерадовича. Павелъ беретъ Александра подъ руку.

ПАВЕЛЪ. Ты имѣешь много благородства въ сантиментахъ Сашенька — ты меня поймешь... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ такъ мало знаютъ люди, что такое любовь, и сколь великое таинство скрывается подъ симъ священнымъ именемъ!...

Отходятъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. А тамъ-то, за дверью, слышите, ваше величество, экзекуція...

КОНСТАНТИНЪ. Да, воетъ бѣдняга, какъ овца подъ ножомъ. Извергъ Мамайка, должно быть, съ него теперь третью шкуру спускаетъ...

ПАВЕЛЪ. Анна, Анна! Твой образъ вездѣ предо мною. Мое сердце бьется и вѣчно будетъ биться для тебя одной. Кто изъ смертныхъ, кто станетъ рядомъ съ оною женщиною, несравненною въ чувствахъ моихъ? Никто изъ земнородныхъ. Богъ и она!... Понимаешь, другъ мой, Сашенька?

АЛЕКСАНДРЪ. Понимаю, батюшка. Ахъ, чего бы стоила жизнь человѣковъ, если бы любовь не услаждала ее бальзамомъ своимъ!...

ПАВЕЛЪ. Вотъ, вотъ именно — бальзамъ!

Отходятъ.

КОНСТАНТИНЪ. Спѣлись, видно. На эти дѣла Сашка — мастеръ: ему бы актеромъ быть... А тотъ-то все воетъ!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Просто мочи нѣтъ, ваше высочество. Отойдемте, ради Христа.

КОНСТАНТИНЪ. Нельзя. Батюшка, не дай Богъ, увидитъ, подумаетъ, что подслушивали. Теперь мѣшать ему не надо, пусть наговорится до-сыта. (Прислушиваясь.) Какъ будто затихъ?... Нѣтъ, опять, пуще прежняго. Тьфу, даже слушать противно!... А впрочемъ, наплевать — всѣ тамъ будемъ...

ПАВЕЛЪ. Я отдаренъ отъ природы сердцемъ чувствительнымъ, Сашенька. Однажды увидѣлъ я маленькую фіалку: она стояла подлѣ скалы, покрыта камнями, гдѣ ни одна капля росы не освѣжала ее. И свѣжая меланхолія обняла мою душу, слеза упала изъ глазъ моихъ на тотъ цвѣточекъ, и онъ, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя къ Аннѣ...

Барабанъ. Солдаты маршируютъ. Входитъ Паленъ и прочіе командиры. Офицеры на ходу салютаютъ Павла эспантонами.

ПАВЕЛЪ. Молодцы, молодцы! Видишь, Саша, — пробралъ ихъ, какъ слѣдуетъ, и подтянулись. — Разъ-два, разъ-два, ноги прямо, носки вонъ, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два. — Молодцы! Утѣшили! Лучше не надо!

Военная музыка.

ПАВЕЛЪ (махая тростью, напѣваетъ).

Ельникъ, мой ельникъ,
Частый мой березникъ,
Люшеньки-люли!

КОНСТАНТИНЪ. Ну, Ельникъ запѣлъ, — значитъ, выгорѣло. Только бы теперь Сашка не мямлилъ.

Константинъ дѣлаетъ знакъ Александру за спиной Павла.

АЛЕКСАНДРЪ. Осмѣлюсь ли, батюшка?...

ПАВЕЛЪ. Говори, братецъ, не бойся.

АЛЕКСАНДРЪ. Простите, ваше величество, тѣхъ, кто сегодня провинился...

ПАВЕЛЪ. Прощаю.

АЛЕКСАНДРЪ. И фельдфебеля...

ПАВЕЛЪ. Всѣхъ.

Александръ цѣлуетъ руку Павла и отходитъ къ Константину.

АЛЕКСАНДРЪ. Скорѣе, Костя!

КОНСТАНТИНЪ. Ну, братъ, не поздно ли?

Константинъ входитъ въ дверь экзерцир-гауза.

ПАВЕЛЪ. Графъ фонъ-деръ-Паленъ! Послѣдней экзерциціей я, сударь, весьма доволенъ: изряднехонько командовать изволили. Благодарю и виновныхъ прощаю. (Командирамъ.) А если погорячился, сказалъ что̀ лишнее, такъ и вы, господа, съ меня не взыщите. (Солдатамъ.) Смирно-о! Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются. Музыка стихаетъ.

ПАВЕЛЪ. Спасибо, ребята.

СОЛДАТЫ. Рады стараться, ваше величество!

ПАВЕЛЪ. По чаркѣ вина, по фунту говядины.

СОЛДАТЫ. Ура!

Солдаты маршируютъ. Музыка.

ПАВЕЛЪ (напѣваетъ).

Ельникъ, мой ельникъ,
Люшеньки-люли!

Уходитъ. Изъ двери экзерциргауза — Константинъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну что?

КОНСТАНТИНЪ. Еле дышетъ. Фельшеръ говоритъ, — до завтра не выживетъ. Я велѣлъ — въ лазаретъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Господи! Господи!

Слѣва, изъ-за стѣны экзерциргауза, выносятъ на походныхъ носилкахъ Фельдфебеля, покрытаго рогожею; справа маршируютъ солдаты съ музыкой и знаменами.

СОЛДАТЫ. Ура! Ура!

ПАЛЕНЪ (командирамъ, указывая на знамена и носилки). Какъ въ древнемъ Римѣ: Ave, Caesar, morituri te salutant.

КОНСТАНТИНЪ. Что ты, Саша?

АЛЕКСАНДРЪ. Оставь, оставь...

Александръ опускается на ступеньки крыльца, закрываетъ лицо руками и плачетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Вишь, разнюнился! Экая баба!... (Помолчавъ.) Ну, перестань, перестань же, ну, миленькій, ну, Сашенька, голубчикъ! Не стоитъ же, право... Наплевать, — всѣ тамъ будемъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Не могу! не могу! не могу!

ПАЛЕНЪ. Поздравляю, господа, съ царскою милостью: всѣхъ простилъ.

ЯШВИЛЬ. Онъ-то простилъ, да мы...

ПАЛЕНЪ. Тише, тише, князь. Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше, что я вамъ сказалъ давеча: подлецъ, кто говоритъ, молодецъ, кто дѣлаетъ!

Занавѣсъ.

Первое дѣйствіе

Вторая картина

Кабинетъ Александра въ Михайловскомъ замкѣ. Въ глубинѣ — окно на садъ и Фонтанку. Слѣва — дверь во внутреннiе покои великаго князя; справа — на лѣстницу, ведущую въ покои государя.

Александръ. Елизавета, великая княгиня, жена Александра. Павелъ. Паленъ.

Александръ лежитъ на канапэ, съ книгой въ рукахъ. Елизавета, у окна, играетъ на арфѣ.

АЛЕКСАНДРЪ. Что это, Лизхенъ?

ЕЛИЗАВЕТА. Изъ Орѳея въ аду пѣснь Евридики. А ты не спалъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, такъ только дремлется. Читать темно.

ЕЛИЗАВЕТА. Да, темно. Ужъ сколько дней солнца не видно. Живемъ, какъ въ подземельи.

АЛЕКСАНДРЪ. Что же ты не играешь? Я люблю мечтать подъ музыку.

ЕЛИЗАВЕТА. Ты любишь мечтать. Лежать и мечтать...

АЛЕКСАНДРЪ. Канапэ старенькій, еще отъ бабушки, а удобный. Какъ ляжешь, такъ бы и не вставалъ...

ЕЛИЗАВЕТА (глядя въ окно). Небо низкое, темное, точно каменное; а деревья подъ инеемъ, бѣлыя, какъ въ саванѣ. — Евридика, Евридика подъ сводами ада... Мужикъ идетъ, шапку снялъ. Удивительно, что люди шапки снимаютъ передъ дворцомъ. На морозѣ-то сколько, должно быть, простудилось... Ну, а что же Руссо?

АЛЕКСАНДРЪ. Руссо? Знаешь, я все о немъ думаю. Первобытное состояніе натуры... Ахъ, для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями.

ЕЛИЗАВЕТА. Какъ старикашка Куракинъ поетъ:

Берега кристальной рѣчки,
И пастушки и овечки...

АЛЕКСАНДРЪ. Не смѣйся, Лизанька. Развѣ не правда, что въ простотѣ натуры сердце живѣе чувствуетъ

все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго счастья, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой?..

ЕЛИЗАВЕТА. Вліяннаго, вліяннаго... Какъ ты хорошо говоришь, Саша.

АЛЕКСАНДРЪ. Ахъ, единая мечта моя — когда воцарюсь, покинуть престолъ, отречься отъ власти, показать всѣмъ, сколь ненавижу деспотичество, признать священныя Права Человѣка — les droits de l'Homme, даровать Россіи конституцію, республику — все, что хотятъ, — и потомъ уѣхать съ тобою, милая, бѣжать далеко, далеко... Тамъ, на берегахъ Рейна или на голубой Юрѣ, въ пустынной хижинѣ, обвитой лозами, протечетъ наша жизнь, какъ восхитительный сонъ, въ объятіяхъ природы и невинности!...

ЕЛИЗАВЕТА. Да, да, въ пустынной хижинѣ... А вотъ кто-то опять безъ шапки идетъ, вѣрно, чиновникъ — шуба съ орденомъ. А кучеръ въ саняхъ двумя руками правитъ, шапку держитъ въ зубахъ. Удивительно! А солдатъ у шлагбаума бьетъ бабу. Баба плачетъ, а солдатъ бьетъ. Долго, долго. Смотрѣть скучно. А небо все ниже да ниже... Евридика, Евридика подъ сводами ада...

Перебираетъ струны. Молчаніе.

АЛЕКСАНДРЪ. О чемъ ты думаешь? — Знаешь, Лизхенъ, когда ты говоришь, мнѣ все кажется, что ты о другомъ думаешь...

ЕЛИЗАВЕТА. О другомъ? Нѣтъ. А, впрочемъ, не знаю, можетъ быть, о другомъ... Ахъ, струна оборвалась. Нельзя больше играть.

АЛЕКСАНДРЪ. Поди сюда.

ЕЛИЗАВЕТА (подходя къ Александру). Ну, что?

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ тебѣ это бѣлое платье къ лицу! Когда ты такъ стоишь надо мною, свѣтлая, свѣтлая, въ сумеркахъ, то какъ будто Евридика или Психея.

ЕЛИЗАВЕТА. Vous êtes trop aimable, Monseigneur! А рукъ не цѣлуйте. Оставьте, ненадо. Помните, намедни

сказали, что мы съ вами, какъ братъ и сестра. Братъ и сестра...

АЛЕКСАНДРЪ. Но, вѣдь все-таки, Лизхенъ...

ЕЛИЗАВЕТА. Да, все-таки. А правда, что, когда Константинъ цѣлуетъ руки женѣ, то ломаетъ и кусаетъ ихъ, такъ что она кричитъ отъ боли?

АЛЕКСАНДРЪ. Кто тебѣ сказалъ?

ЕЛИЗАВЕТА. Она сама. А раньше, будто бы онъ забавлялся тѣмъ, что въ манежѣ изъ пушки стрѣлялъ живыми крысами?

АЛЕКСАНДРЪ. Зачѣмъ ты, Лизхенъ?...

ЕЛИЗАВЕТА. Затѣмъ, что не хочу быть Психеей. Слышите, не хочу! Надоѣло, опротивѣло... Амуръ и Психея какой вздоръ! (Молчаніе.) А какъ-то разъ въ слякоть ѣхалъ въ каретѣ чиновникъ, въ мундирѣ, при шпагѣ, съ орденами. А на встрѣчу государь. Кучеръ не успѣлъ остановить. Чиновникъ разбилъ стекло, чтобы крикнуть, выпрыгнулъ, поскользнулся и упалъ лицомъ въ грязь. А о бригадиршѣ Лихаревой слышали?

АЛЕКСАНДРЪ. Не помню.

ЕЛИЗАВЕТА. Деревенька у нихъ подъ Петербургомъ. Мужъ заболѣлъ, жена пріѣхала въ городъ за докторомъ. Государь тоже встрѣтился, — кучеръ не остановилъ. Бригадиршу посадили на съѣзжую. Отъ страха заболѣла горячкою. Мужъ умеръ, а жена сошла съ ума.

АЛЕКСАНДРЪ. Ужасно!

ЕЛИЗАВЕТА. Да, ужасно. «А впрочемъ, наплевать», какъ говоритъ вашъ братецъ. Мы вѣдь всѣ рабы — и тотъ мужикъ безъ шапки, и я, и вы. Рабы... или нѣтъ, крысы, которыми Константинъ заряжалъ свою пушку. Выстрѣлитъ, и что отъ крысъ останется?

АЛЕКСАНДРЪ. Господи! Господи!

ЕЛИЗАВЕТА. Отъ раздавленныхъ крысъ пятно кровавое... Какая гадость!... Я, кажется, съ ума схожу,

какъ бригадирша Лихарева. Всѣ мы сходимъ съ ума. Лучше не думать... Лежать и мечтать...

Берега кристальной рѣчки,
И пастушка и овечки...

(Падая на колѣни и закрывая лицо руками.) Скучно, скучно, скучно, Сашенька!...

Дверь направо отворяется безшумно. Входитъ Павелъ и останавливается на порогѣ.

АЛЕКСАНДРЪ (обнимая Елизавету). Лизанька, дѣвочка моя бѣдная...

ПАВЕЛЪ. Амуръ и Психея!

Александръ и Елизавета вскакиваютъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Что это?...

ЕЛИЗАВЕТА. Государь!...

ПАВЕЛЪ. Испугались, друзья мои? Думали — привидѣніе?

АЛЕКСАНДРЪ. Простите, ваше величество. Темно. Я свѣчей...

ПАВЕЛЪ. Ненадо. (Елизавета хочетъ уйдти.) Куда вы, сударыня? Вы намъ не мѣшаете.

Елизавета отходитъ къ окну.

ПАВЕЛЪ (взявъ книгу). Это что? Руссо. А это? Брутъ, трагедія господина де-Вольтера. (Читаетъ.) ... Rome est libre. Il suffit. Rendons grâce aux dieux. Значитъ: «Царя убили, и слава Богу». — Кто подчеркнулъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Не могу знать, ваше величество. Книга отъ бабушки. Не она ли сама изволила?

ПАВЕЛЪ. Все-то у васъ отъ бабушки, сударь, и сами вы — бабушкинъ внучекъ. А исторію царевича Алексѣя помните? Вотъ подлинная трагедія, не то что Вольтеровы глупости! Сынъ возсталъ на отца, и отецъ казнилъ сына. Помните?

АЛЕКСАНДРЪ. Помню.

ПАВЕЛЪ. Ну то-то же! А все-таки перечесть не мѣшаетъ. Ужо пришлю... Кстати, правда ли, что у васъ и въ полку Вольтера почитываютъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Виноватъ, государь. Одно только сочиненіе, Кандидъ. При бабушкѣ отпечатано.

ПАВЕЛЪ. Опять бабушка!... У кого найдено?

АЛЕКСАНДРЪ. Измайловскаго полка у штабсъ-капитана Пузыревскаго.

ПАВЕЛЪ. Ну и что же?

АЛЕКСАНДРЪ. Книга въ корпусной пекарнѣ сожжена — сдѣланъ выговоръ.

ПАВЕЛЪ. Что толку — выговоръ отъ васъ, когда и сами вы, сударь, Вольтера читаете? Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Однако, шутки въ сторону, наблюдать извольте впредь, дабы изъ чиновъ управленію вашему ввѣренныхъ, чтеніемъ таковымъ упражняться никто не осмѣливался. Понеже слухи до меня доходятъ, что французскими натуральной системы книгами многіе господа военные заражены, по домамъ ходятъ въ платьи партикулярномъ, фраки и жилеты носятъ, явно изображая тѣмъ развратное свое поведеніе. Вотъ каковы, сударь, слѣдствія философической вольности или, лучше сказать, бѣшенства, коимъ вводится язва моральная, правила безбожныя и возмутительныя, буйственное воспаленіе разсудка, какъ тò показало намъ правленіе богомерзкое во Франціи и оные режисиды, изверги человѣчества, въ злодѣяніи, учиненномъ надъ королевскою особою!...

АЛЕКСАНДРЪ. Батюшка...

ПАВЕЛЪ. Молчать! Я знаю, сударь, что вы — якобинецъ, но я разрушу всѣ ваши идеи!... Да, знаю, знаю все — и то, какъ бабушкины внучки спятъ и видятъ во снѣ конституцію, республику, Права Человѣка, а того не разумѣютъ, что въ оныхъ Правахъ заключается духъ сатанинскій, уготовляющій путь Звѣрю, Антихристу. О, какъ страшенъ сей духъ! Никто того не знаетъ, я знаю, я одинъ! Богъ мнѣ открылъ, и Богомъ клянусь, искореню, истреблю, сокрушу, или я не буду Павелъ I!

АЛЕКСАНДРЪ. Батюшка, я никогда...

ПАВЕЛЪ. Лжешь! Кто писалъ? (Показываетъ письмо.) Говори кто?

АЛЕКСАНДРЪ. Я... но не моя воля...

ПАВЕЛЪ. А чья?

АЛЕКСАНДРЪ. Бабушки.

ПАВЕЛЪ. Чортова бабушка!

АЛЕКСАНДРЪ. Государь, ваша покойная матушка...

ПАВЕЛЪ. Да, знаю: мать отца убила и меня, сына, въ Шлиссельбургъ хотѣла заточить, въ тотъ самый казематъ, гдѣ нѣкогда страдальца безвиннаго, Іоанна Антоновича задавили, какъ крысу въ подпольи. Тридцать лѣтъ я томился въ смертномъ страхѣ, ждалъ яда, ножа или петли отъ собственной матери и глядѣлъ, какъ оная шлюха, со своими любовниками, цареубійцами, надъ памятью отца моего ругается, — глядѣлъ и терпѣлъ, и молчалъ... Тридцать лѣтъ, тридцать лѣтъ!... Какъ только Богъ сохранилъ мнѣ разсудокъ и жизнь?... И ты былъ съ нею... Вотъ что значитъ слова сіи. Читай: «Всею кровью моею не могъ бы я заплатить за все то, что вы для меня сдѣлали и еще сдѣлать намѣрены». — Это значитъ: меня съ престола спихнуть, чтобъ тебя...

АЛЕКСАНДРЪ (падая на колѣни). Батюшка! Батюшка! Никогда я не хотѣлъ... Да развѣ вы не видите, я и не теперь не хочу... Отрѣшите, умоляю васъ, Богомъ заклинаю, отрѣшите меня отъ престола, избавьте, помилуйте!...

ПАВЕЛЪ. Лжешь, негодяй, опять лжешь! (Занося тростъ.) Я тебя!...

ЕЛИЗАВЕТА (удерживая Павла за руку). Какъ вамъ не стыдно?...

ПАВЕЛЪ (отталкивая Елизавету). Прочь!...

ЕЛИЗАВЕТА. Рыцарь Мальтійскаго ордена — женщину?...

ПАВЕЛЪ (отступая). Да, рыцарь... Вы правы, сударыня. Прошу извиненія. Погорячился. Какая вы, однако,

смѣлая. Я и не зналъ. Психея — и вдругъ!... Мнѣ это понравилось. Я бы хотѣлъ, чтобы такъ всѣ... Благодарю. Ручку позвольте, ваше высочество. — Что? Не бойтесь, не укушу. Я еще не кусаюсь... ха-ха!

Павелъ цѣлуетъ руку Елизаветы и кланяется съ изысканною вѣжливостью.

ПАВЕЛЪ. J'ai l'honneur de vous saluer, Madame, Monsëigneur, — еще разъ прошу извиненія. (Отходя къ двери.) А вѣдь вы тутъ надо мною, пожалуй, смѣяться будете вдвоемъ, Амуръ и Психея? — Ну чтожъ, смѣйтесь на здоровье! Rira bien qui rira le dernier... А исторію царевича Алексѣя я вамъ, сударь, пришлю. Почитайте-ка, сравните съ Брутомъ!

Уходитъ.

ЕЛИЗАВЕТА. Шутъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Тише, тише! Пожалуй, подслушаетъ.

ЕЛИЗАВЕТА (открывая дверь и заглядывая). Ушелъ.

Паленъ входитъ слѣва.

ПАЛЕНЪ. Не онъ, а я подслушивалъ. Простите, ваши высочества, — по должности военнаго губернатора...

Елизавета уходитъ налѣво. Александръ сидитъ на канапэ, опустивъ голову на руки. Молчаніе.

ПАЛЕНЪ. Прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

АЛЕКСАНДРЪ. Знаетъ все?

ПАЛЕНЪ. Ну, все, не все, а кое-что. Не сегодня, впрочемъ, такъ завтра узнаетъ. И тогда пропали мы.

АЛЕКСАНДРЪ. Что же дѣлать? Что же дѣлать?

ПАЛЕНЪ. Спѣшить. Остаются не дни, а часы. Нашъ планъ вы знаете: овладѣть особой императора, объявить больнымъ и принудить къ отреченію отъ престола, дабы передать оный вамъ. Не отъ себя говорю, а отъ сената,

войска, дворянства — отъ всего народа россійскаго, коего желаніе единственное — видѣть Александра императоромъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Принудить? Вы его не знаете: онъ скорѣе умреть...

ПАЛЕНЪ. Отъ жестокихъ болѣзней — леченіе жестокое, если не отречется, то въ Шлиссельбургъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Что вы, что вы, графъ?...

ПАЛЕНЪ. Будьте покойны, государь: караулъ изъ нашихъ — не выдадутъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Я не о томъ, а не хочу, слышите, не хочу, чтобы вы такъ со мной говорили о батюшкѣ!...

ПАЛЕНЪ. Ахъ, вотъ что! Слушаю-съ. (Помолчавъ.) Я знаю теперь, чего вы не хотите, а чего хотите, все-таки не знаю.

АЛЕКСАНДРЪ. Ничего, ничего я не хочу! Оставьте меня въ покоѣ...

ПАЛЕНЪ. Бываютъ случаи, ваше высочество, когда ничего не хотѣть безумно или преступно...

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ вы, сударь, смѣете?...

ПАЛЕНЪ. Я говорю то, что велитъ мнѣ должность гражданина и подданнаго.

АЛЕКСАНДРЪ (вскакивая и топая ногами, подобно Павлу). Вонъ! Вонъ! Не могу больше терпѣть, не могу, не могу!... Не хочу быть орудіемъ вашихъ низостей! Вы — измѣнникъ! Никогда не подыму я руки на государя, отца моего! Лучше смерть! Сейчасъ иду къ батюшкѣ, все донесу...

ПАЛЕНЪ. Ну, мы, кажется, всѣ сходимъ съ ума. — Я человѣкъ откровенный, ваше высочество, хитрить не умѣю: что на умѣ, то и на языкѣ. Говорилъ съ вами прямо и прямо взойду на эшафотъ! Честь имѣю кланяться.

Идетъ налѣво къ дверямъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Петръ Алексѣевичъ! Петръ Алексѣевичъ!

Паленъ останавливается въ дверяхъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, ничего... Ступайте, ступайте!

Паленъ уходитъ. Александръ падаетъ на канапэ и лежитъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Входитъ слѣва Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, что, какъ? Рѣшили?

Александръ молчитъ. Елизавета обнимаетъ его и гладитъ по головѣ.

ЕЛИЗАВЕТА. Мальчикъ мой, мальчикъ мой бѣдненькій...

АЛЕКСАНДРЪ. Не могу, не могу, не могу, Лизхенъ!...

ЕЛИЗАВЕТА. Что же дѣлать, Саша? Надо...

АЛЕКСАНДРЪ (приподнимаясь и глядя на нее пристально). А если кровь?

ЕЛИЗАВЕТА. Лучше кровь, лучше все, чѣмъ то, что теперь! Пусть наша кровь...

АЛЕКСАНДРЪ. Не наша... (Молчаніе.) Что же ты молчишь? Говори. Или думаешь, что мы должны черезъ кровь?...

ЕЛИЗАВЕТА. Не знаю...

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Молчи, не смѣй... Если ты скажешь, Богъ не проститъ...

ЕЛИЗАВЕТА. Не знаю, проститъ ли Богъ, но мы должны.

Занавѣсъ.

Второе дѣйствіе

Зала въ Михайловскомъ замкѣ. Полукруглая колоннада изъ бѣлаго мрамора. Двѣ ниши по бокамъ — справа со статуей Венеры, слѣва — Флоры. Три двери: одна въ серединѣ — въ Тронную; другая справа — во внутренніе апартаменты государя; третья слѣва — въ амфиладу залъ, которые сообщаются съ парадною лѣстницею. По обѣимъ сторонамъ средней двери большія, во всю стѣну зеркала. Не смотря на множество горящихъ въ люстрахъ и шандалахъ восковыхъ свѣчей, полумракъ отъ густого тумана.

Концертный вечеръ. Издали слышится музыка Гайдана, Чимарозы, Моцарта. Кавалеры — въ придворныхъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ пудрѣ, букляхъ, чулкахъ и при шпагахъ; дамы — въ бѣлыхъ, съ тонкимъ золотымъ или серебрянным узоромъ, греческихъ туникахъ, съ голыми руками и шеями, съ босыми ногами въ сандаліяхъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна, великая княгиня Елизавета, великіе князья Александръ и Константинъ — въ нишѣ подъ статуей Венеры. Ихъ окружаютъ фрейлины Щербатова и Волкова, оберъ-церемоніймейстеръ гр. Головкинъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, шталмейстеръ кн. Голицынъ, отставной церемоніймейстеръ гр. Валуевъ, оберъ-шталмейстеръ гр. Кутайсовъ, военный губернаторъ гр. Паленъ и другіе придворные.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Что это какъ темно, графъ?

ГОЛОВКИНЪ. Туманъ отъ сырости, ваше величество. Зданіе — новое, сразу не высушишь.

ЕЛИЗАВЕТА. А мнѣ нравится туманъ — бѣлый мутный, точно опаловый — отъ свѣчей радуга, и люди — какъ привидѣнія...

ГОЛИЦЫНЪ. Туманъ и на дворѣ — зги не видать.

ВАЛУЕВЪ (полуслѣпой дряхлый старикъ, говоритъ, шамкая). Девятнадесятый вѣкъ! Девятнадесятый вѣкъ! Нынче дни все такіе туманные, темные. А въ старину, бывало, и зимой-то какъ солнышко свѣтитъ! Помню, разъ у окна въ Эрмитажѣ стою, — солнце прямо въ глаза; а покойная государыня подошли и шторку опустили собственными ручками. «Что это, говорю, ваше величество, вы себя обезпокоили?» — А она, матушка, улыбнулась такъ ласково, — одно солнце тамъ, на небѣ, а другое здѣсь, на землѣ... Отжили, отжили мы красные дни!...

Входитъ статсъ-дама гр. Ливенъ.

ЛИВЕНЪ. Извините, ваше величество. Уфъ, съ ногъ сбилась!... Присяду.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Что съ вами, Шарлота Карловна?

ЛИВЕНЪ. Заблудилась въ корридорахъ да лѣстницахъ...

ГОЛОВКИНЪ. Немудрено — сущій лабиринтъ.

ЛИВЕНЪ. Заблудилась, а тутъ часовые, какъ гаркнутъ: «Вонъ!» Прежде «Къ ружью!» командовали, а теперь: «Вонъ!» Съ непривычки-то все пугаюсь. Подхватила юбки и ну бѣжать, споткнулась, упала и колѣнку ушибла.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Ахъ, бѣдная! Потереть надо арникумъ.

КОНСТАНТИНЪ. А я думалъ, привидѣніе.

ЛИВЕНЪ. Какое привидѣніе?

КОНСТАНТИНЪ. Тутъ, говорятъ, въ замкѣ ходитъ. Батюшка сказывалъ...

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Taisez vous, Monseigneur, — cela ne convient pas.

ВОЛКОВА. Ахъ, ваше величество, зачѣмъ вы на ночь? Я ужасти, какъ ихъ боюсь...

НАРЫШКИНЪ. О привидѣніяхъ надо спросить Кушелева: онъ — фармазонъ, съ духами водится. Давеча отмѣнно изъяснилъ намъ о достиженіи къ сверхнатуральному состоянію черезъ пупокъ...

ГОЛИЦЫНЪ. Какъ черезъ пупокъ?

НАРЫШКИНЪ. А ежели, говоритъ, на собственный пупъ свой глядѣть да твердить: Господи помилуй! — то узришь-де свѣтъ Өаворійскій.

ГОЛИЦЫНЪ. Чудеса!

ЩЕРБАТОВА. Не чудеса, а магнетизмъ. Въ Парижѣ господинъ Месмэръ втыкаетъ иголки въ сомнамбулу, а та не чувствуетъ и все угадываетъ.

НАРЫШКИНЪ. Есть и у насъ тутъ въ Малой Коломнѣ гадальщица...

ВАЛУЕВЪ. Девятнадесятый вѣкъ! Девятнадесятый вѣкъ! Чертовщина вездѣ завелась...

ЩЕРБАТОВА. Вы, господа, ни во что не вѣрите, у васъ нынче все — «натура, натура». А мнѣ бы хоть однимъ глазкомъ заглянуть на тотъ свѣтъ, что тамъ такое? L'inconnu est si séduisant!...

ГОЛИЦЫНЪ. Когда умремъ, сударыня, времени будетъ довольно на неосязаемость, душеньки наши набродятся досыта. А пока живы, милѣе намъ здѣшнія «Душеньки».

ЩЕРБАТОВА. Ну васъ, шалунъ, отстаньте...

Гофъ-фурьеры вбѣгаютъ изъ дверей справа, машутъ руками и шикаютъ.

ГОФЪ-ФУРЬЕРЫ. Его величество! Его величество!

Всѣ становятся въ рядъ; дамы присѣдаютъ, кавалеры кланяются. Музыка играетъ маршъ. Павелъ, подъ руку съ кн. Анной Гагариной, проходитъ черезъ толпу, едва отвѣчая на поклоны и садится рядомъ съ Анной, въ нишѣ подъ статуей Флоры.

ПАВЕЛЪ. Аннушка, моя улыбочка...

Хочетъ взять руку Анны.

АННА. Не надо, не надо, государь, — увидятъ.

ПАВЕЛЪ. Пусть видятъ! Я ничего не вижу, не слышу, не знаю, кромѣ тебя. Ты осчастливила жизнь мою. Только ты, достойнѣйшая изъ женщинъ, могла влить кроткія чувствованія въ сердце мое, только при взорѣ твоемъ родились въ немъ добродѣти, какъ цвѣты рождаются при майскомъ солнцѣ. Я хотѣлъ бы здѣсь, ногъ у твоихъ, Анна...

АННА. Ради Бога, ваше величество. Государыня смотритъ...

ПАВЕЛЪ. Аннушка, моя улыбочка, отчего ты такая грустная? О чемъ думаешь?...

АННА. Я думаю... Ахъ нѣтъ, простите, ваше величество... я не умѣю. Я только хотѣла бы, чтобы всѣ знали васъ, какъ я... Но никто не знаетъ. А я не умѣю... Глупая... глупая... Простите, я не такъ...

ПАВЕЛЪ. Такъ, Аннушка! (Торжественно, подымая руку и глаза къ небу.) Благодарю, сударыня, благодарю... за эти слова... Знайте, что я, умирая, думать буду о васъ!...

АННА. Павлушка, миленькій...

ПАВЕЛЪ. Ахъ, если бы ты знала, какъ я счастливъ, Анна, и какъ желалъ бы сдѣлать всѣхъ счастливыми! Каждаго къ сердцу прижать и сказать: чувствуешь ли, что

сердце это бьется для тебя? Но оно не билось бы, если бы не Анна... Да нѣтъ, я тоже не умѣю... тоже глупый, какъ ты... Ну и будемъ вмѣстѣ глупыми!...

НАРЫШКИНЪ (тихо указывая на Павла и Анну). Голубки воркуютъ.

ГОЛОВКИНЪ. А у княгини-то платье — изъ алаго бархата, точно изъ царскаго пурпура.

ГОЛИЦЫНЪ. Субретка въ пурпурѣ.

НАРЫШКИНЪ. Будь поумнѣе, подъ башмакомъ бы его держала.

ГОЛОВКИНЪ. И башмакомъ бы въ него кидала, какъ, помните, Катька Нелидова.

Марія Өеодоровна и Паленъ говорятъ въ сторонѣ, тихо.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Aber um Gottes willen, mein lieber Петръ Алексѣевичъ, неужели возможно?...

ПАЛЕНЪ. Въ Россіи, ваше величество, все возможно. Да вотъ сами изволите видѣть: въ Вѣдомостяхъ пишутъ. (Читаетъ.) «Россійскій императоръ, желая положить конецъ войнамъ, уже одиннадцать лѣтъ Европу терзающимъ, намѣренъ пригласить всѣхъ прочихъ государей на поединкѣ сразиться.»

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Господи, Господи! На чемъ же они сражаться будутъ?

ПАЛЕНЪ. На мечахъ или копьяхъ, что ли, какъ рыцари, бывало, на турнирахъ.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Рыцари, турниры? Aber um Gottes willen, я ничего не понимаю!...

ПАЛЕНЪ. И я, ваше величество.

ПАВЕЛЪ (указываетъ на Марію Өеодоровну и Палена). А я знаю, о чемъ они судачатъ.

АННА. О чемъ?

ПАВЕЛЪ. Да ужъ знаю. Давай-ка ихъ дразнить.

АННА. Ахъ, нѣтъ, ради Бога! И безъ того ея величество...

ПАВЕЛЪ. Надоѣло мнѣ ея величество! Не въ свое дѣло суется. Мозги куриные. Ей бы не императрицей быть, а институтской мадамой! (Вставая.) Пойдемъ же.

АННА. Ну зачѣмъ, зачѣмъ, Павлушка?...

ПАВЕЛЪ. А затѣмъ, что весело, шалить хочется. Мы вѣдь съ тобой — глупенькіе, а они умные, какъ же не подразнить ихъ?

Павелъ подходитъ къ Маріи Θеодоровнѣ. За нимъ Анна.

ПАВЕЛЪ. Votre conversation, Madame, me paraît bien animée. О чемъ бесѣдовать изволите?

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА (дергая потихоньку Палена за край мундира). О новомъ прожектѣ для Павловска, ваше величество: храмъ Розы безъ шиповъ...

ПАВЕЛЪ. Только о Розѣ?

ПАЛЕНЪ. Начали съ Розы, а кончили...

ПАВЕЛЪ. Шипами?

ПАЛЕНЪ. Почти что такъ. Кончили вызовомъ, который вашему величеству угодно было сдѣлать иностраннымъ государямъ.

ПАВЕЛЪ. Ага! Ну и какъ же вы о семъ полагаете, сударыня?

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА. Aber Paulchen, mein liebes Paulchen...

ПАВЕЛЪ. Извольте говорить по-русски: вы — императрица Россійская. (Молчаніе.) Отвѣчайте же!

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА. Ахъ, Боже мой, Боже мой... Я, право, не знаю, ваше величество... Мысли мои... so verwirrt...

ПАВЕЛЪ. Ну а вы, графъ?

ПАЛЕНЪ. Въ царствованіе императора Павла I Россія удивила Европу, сдѣлавшись не покровительницею, а защитницею слабыхъ противъ сильныхъ, утѣсненныхъ противъ

утѣснителей, вѣрующихъ противъ нечестивцевъ. И сія истинно великая, истинно христіанская мысль возникла въ рыцарской душѣ вашего величества. Поединокъ же оный — всему дѣлу вѣнецъ, воскресеніе древняго рыцарства...

ПАВЕЛЪ. Хотите быть моимъ секундантомъ, ваше сіятельство?

ПАЛЕНЪ (цѣлуя Павла въ плечо). Недостоинъ, государь...

ПАВЕЛЪ. Достойны, сударь, достойны. Вы меня поняли. Да. Воскресеніе древняго рыцарства. Подъ стягомъ Мальтійскаго ордена соединимъ все дворянство Европы и крестовымъ походомъ пойдемъ противъ якобинской сволочи, отродья хамова!

ПАЛЕНЪ. Помоги вамъ Богъ, государь!

ПАВЕЛЪ. Не имѣлъ и не имѣю цѣли иной, кромѣ Бога. И пусть меня Донъ-Кишотомъ зовутъ — сей славный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ, какъ я люблю человѣчество!... Да вотъ бѣда — хитрить не умѣю и съ господами политиками частенько въ дуракахъ остаюсь. За то себя и казню: любилъ кататься, люби саночки возить! Справедливость требуетъ сего. Не подданные за государей, а государи за подданныхъ должны кровь свою проливать. И я, первый, на поединкѣ ономъ примѣръ покажу. (Молчаніе.) А господа политики съ носомъ останутся. Меня думали за носъ водить, но къ несчастью для нихъ у меня носъ курносъ. (Проводя по лицу рукой.) Ухватиться не за что!...

Молчаніе.

ПАВЕЛЪ (быстро оборачиваясь и подходя къ Аннѣ, напѣваетъ).

Quand pour le grand voyage
Margot plia bagage,
Des cloches du village
J'entendis la leçon:
Din-di, din-don.

АННА (тихо). Перестань, Павлушка, ради Бога!

ПАВЕЛЪ. А что?... Ну, не буду, не буду. Ужъ очень мнѣ сегодня весело, — такъ бы и запрыгалъ, завертѣлся на одной ножкѣ, императоръ Всероссійскій, какъ шалунишка маленькій. (Помолчавъ.) Примѣтилъ я, что, когда сей родъ веселости найдетъ на меня, то всегда передъ печалью.

Покинешь матерню утробу —
Твой первый гласъ есть горькій стонъ;
И отходя отсель ко гробу,
Отходишь ты, стеня, и вонъ.

Стонъ и смѣхъ, смѣхъ и стонъ. Din-di, din-don!

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА (тихо Палену). Aber um Gottes willen, что съ нимъ такое? Боже мой, Боже мой... я ничего не понимаю... Пожалуйста, графъ, успокойте, развлеките его...

ПАЛЕНЪ (подойдя къ Павлу). Ваше величество, курьеръ изъ Парижа, отъ господина Перваго Консула, генерала Бонапарта.

ПАВЕЛЪ. Принять, принять!

Адмиралъ Кушелевъ подходитъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ. Наидружественнѣйшіе сантименты господина Перваго Консула... (Кушелеву.) А ты что, братецъ, головой качаешь?

КУШЕЛЕВЪ. Помилуйте, ваше величество, какое же дружество самодержца Всероссійскаго, Помазанника Божьяго, съ онымъ Бонапартомъ, проходимцемъ безъ роду, безъ племени, выскочкой, говорятъ, изъ той же якобинской сволочи?...

ПАВЕЛЪ. Да вѣдь и меня, сударь, «якобинцемъ на тронѣ» зовутъ.

КУШЕЛЕВЪ. Клеветники токмо и персональные оскорбители...

ПАВЕЛЪ. Нѣтъ, отчего же? По мнѣ пусть такъ: представьте, господа якобинцы, что у меня красная шапка, что я вашъ главный начальникъ, — и слушайтесь меня...

Входитъ курьеръ Башиловъ.

БАШИЛОВЪ (ставъ на колѣни и цѣлуя руку Павла). Здравія желаю, ваше величество. Отъ господина Перваго Консула.

Подаетъ письмо.

ПАВЕЛЪ (читаетъ сперва про себя, потомъ вслухъ). „La Russie et la France, en tenant aux deux extrémités du globe, sont faites pour le dominer.“ Да, Россія и Франція должны міръ пополамъ раздѣлить. А генерала Бонапарта законнымъ государемъ мы признать готовы. Намъ все равно, кто, — только бы государь законный. Угомонились господа французы — и слава Богу! А вѣдь давно ли, какъ нѣкій исполинъ бѣснущійся, терзая собственную свою утробу и съ остервенѣніемъ кидаясь на другихъ, наводилъ ужасъ на Европу сіе издыхающее нынѣ, богомерзкое правленіе. (Башилову.) Ну, а теперь что, какъ у васъ въ Парижѣ?

БАШИЛОВЪ. Государь, чувствованія благоговѣйныя къ священной особѣ вашего императорскаго...

ПАВЕЛЪ. Нѣтъ, попросту, братецъ, — не бойся, говори попросту, — какъ тебѣ показался Парижъ?

Башиловъ, по знаку Павла, встаетъ.

БАШИЛОВЪ. Сказать правду, ваше величество. Показался мнѣ Парижъ большимъ котломъ, въ которомъ что-то скверное кипитъ. Народъ все еще звѣрь неистовый. И вездѣ надписи, омерзѣніе вселяющія: «Вольность. Равенство. Братство». Церкви пусты, а кабаки да театры биткомъ набиты. Господинъ Первый Консулъ между двухъ шеренгъ солдатъ ходитъ въ Оперу, ложа запирается, какъ тюрьма. Во время Декадъ — пребольшіе парады; симъ публичнымъ образомъ показуется гражданамъ: «Вотъ я васъ, только

пикни!» Въ годовщину революціи праздникъ устроили на полмилліона народа. Ночью фейерверки и транспоранты вольности горѣли всюду, но никто уже не кричалъ: «Да здравствуетъ вольность!» — а всѣ кричали: «Да здравствуетъ Бонапартъ!»

ПАВЕЛЪ. Молодецъ! Такъ ихъ и надо. Завтра же, сударь, назадъ въ Парижъ съ отвѣтомъ. Уповаемъ, что въ союзѣ съ господиномъ Первымъ Консуломъ, даруя миръ всему міру, возстановителями будемъ потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей... (Кушелеву.) А ты что, сударь, опять куксишься?

КУШЕЛЕВЪ. Ваше величество, союзъ съ народомъ безбожнымъ и буйственнымъ, антихристова духа исполненнымъ...

ПАВЕЛЪ. Заладила сорока Якова. Говорятъ же тебѣ, господа французы образумились.

КУШЕЛЕВЪ. Образумились, нѣтъ ли, что намъ до нихъ? Россія — первая держава въ мірѣ. Когда всѣ другіе народы мятутся, пребываетъ отечество наше покойно, десницею Божьей хранимое. Да не дерзаютъ же равняться съ нами оныя державы, мыльнымъ пузырямъ подобныя.

Гдѣ, гдѣ не слышно имя Россовъ?
Какъ буря, міръ они прошли;
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли.

А тебѣ, государь-батюшка, побѣдителю Звѣря Антихриста — осанна въ вышнихъ, благословенъ Грядый во имя Господие!

ПАВЕЛЪ. За патріотическія расположенія ваши, сударь, спасибо. А насчетъ Антихриста, не бойся, братецъ, въ обиду не дамъ!

Патеръ Груберъ подходитъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ. А, святый отче, Ad-majorem-Dei-gloriam, ты откуда?

Павелъ и Груберъ, разговаривая, отходятъ въ сторону.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА (тихо Палену). Зачѣмъ опять пропустили этого патера? Cela ne convient pas.

ПАЛЕНЪ. Да вѣдь онъ, ваше величество, и безъ пропуска всюду пролѣзетъ.

ГОЛОВКИНЪ. Втируша.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. И о чемъ онъ съ государемъ все шепчется?

ПАЛЕНЪ. Должно быть, опять оный прожектъ о возсоединеніи церквей.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Какое лицо!...

ПАЛЕНЪ. Да, рожа скверная: какъ его ни встрѣтишь — быть худу.

НАРЫШКИНЪ. За то на всѣ руки мастеръ: шеколадъ варитъ, зубы лечитъ, фарфоръ склеиваетъ, церкви соединяетъ...

ГОЛИЦЫНЪ. Новый Каліостро.

ГОЛОВКИНЪ. Чортъ въ рясѣ.

НАРЫШКИНЪ. Господа іезуиты всѣ таковы.

ГОЛИЦЫНЪ. И съ чего они къ намъ налетѣли, черные вóроны?

ГРУБЕРЪ (слѣдуя за Павломъ). Ваше величество, въ прожектѣ моемъ...

ПАВЕЛЪ. Надоѣлъ ты мнѣ, братецъ, со своимъ прожектомъ, хуже горькой рѣдьки! Отстань.

ГРУБЕРЪ. Въ Писаніи сказано: Единъ Пастырь, едино стадо. Когда соединится власть Кесаря, Самодержца Россійскаго съ властью Первосвященника Римскаго — земное съ небеснымъ...

ПАВЕЛЪ. Отстань, говорю, ну тебя, брысь!...

ГРУБЕРЪ. Одно только словечко, государь, одно словечко — и папа самъ пріѣдетъ въ Петербургъ...

ПАВЕЛЪ. Вотъ привязался. Ну на что мнѣ твой папа?

ГРУБЕРЪ. Ваше величество, папа — глава церкви...

ПАВЕЛЪ. Врешь! Не папа, а я. Превыше всѣхъ папъ, царь и папа вмѣстѣ, Кесарь и Первосвященникъ — я, я, я одинъ во всей вселенной... Видалъ ли ты меня въ далматикѣ?

ГРУБЕРЪ. Не имѣлъ счастья, государь.

ПАВЕЛЪ (зоветъ). Иванъ! Иванъ!

Кутайсовъ подбѣгаетъ къ Павлу.

КУТАЙСОВЪ. Здѣсь, ваше величество!

ПАВЕЛЪ. Сбѣгай-ка, братецъ, живѣе, принеси далматикъ, знаешь, тотъ новый, ненадѣванный. Кстати-жъ примѣрю.

КУТАЙСОВЪ. Слушаю-съ, ваше величество.

Кутайсовъ уходитъ.

ПАВЕЛЪ. Подобіе саккоса архіерейскаго, древнихъ императоровъ восточныхъ одѣяніе, знаменуетъ оный далматикъ царесвященство таинственное, по чину Мельхиседекову... Какъ о семъ въ Откровеньи-то, помнишь, Григорій Григорьичъ?

КУШЕЛЕВЪ. Жена, облеченная въ солнце, родила Младенца мужскаго пола, коему надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ.

ПАВЕЛЪ. Ну вотъ, вотъ, оно самое. Жена — церковь православная, а Младенецъ — царь самодержавный. Се тайна великая. Никто ея не знаетъ, никто, кромѣ меня!

Кутайсовъ входитъ, неся далматикъ. Павелъ надѣваетъ его передъ зеркаломъ.

ПАВЕЛЪ. Погляди-ка, Иванъ, сзади какъ?

КУТАЙСОВЪ. Сзади хорошо, ваше величество, а съ боковъ будто складочки.

АННА (тихо). Павлушка, миленькій, зачѣмъ здѣсь, при всѣхъ?... Смѣяться будутъ...

ПАВЕЛЪ (тихо). Пусть. Когда въ багрянницу облекали Господа, тоже смѣялись. (Груберу.) Ну что, отче, видишь?

ГРУБЕРЪ. Вижу, государь.

ПАВЕЛЪ. И разумѣешь?

ГРУБЕРЪ. Разумѣю.

ПАВЕЛЪ. Ну то-то же. Такъ и напишите, сударь, папѣ Римскому, что видѣли Кесаря-Папу Россійскаго, Царя-Священника.

Павелъ, приподымаясь на цыпочкахъ и глядясь въ зеркало, прохаживается мѣрнымъ, торжественнымъ шагомъ, какъ актеръ на котурнахъ.

ПАВЕЛЪ (съ внезапнымъ гнѣвомъ). Да что это, какихъ мнѣ зеркалъ понавѣсили? Куда ни посмотрюсь — лицо все накриво... точно шею свернули... Тьфу!...

КУТАЙСОВЪ (бросаясь къ зеркалу). Помутнѣло, должно быть, стеклышко, заиндевѣло. Вытереть надо суконочкой.

ПАВЕЛЪ. Оставь! Пойдемъ въ Тронную — тамъ лучше зеркало.

Павелъ, Анна, Груберъ и Кутайсовъ уходятъ.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Aber um Gottes willen, что же это такое, Петръ Алексѣевичъ? Поединокъ... Бонапартъ... папа... далматикъ... царь-священникъ... Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю...

ПАЛЕНЪ. И я, ваше величество. Спросить бы Роджерсона, что ли?

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Роджерсона? Лейбъ-медика? Зачѣмъ? Что такое? Графъ, графъ... неужели вы думаете?...

Паленъ молча разводитъ руками — Марія Ѳеодоровна такъ же молча всплескиваетъ.

АЛЕКСАНДРЪ (тихо Константину). Что ты?

КОНСТАНТИНЪ (прячась за колонну и трясясь отъ хохота). О-хо-хо!... Моченьки... нѣтъ... лопну... Какъ онъ тутъ, Сашка... въ далматикѣ-то, передъ зеркаломъ!...

Поверхъ мундира, да ряса поповская... Балъ-маскарадъ... Обезьяна... обезьяна въ рясѣ... И лицо накриво... шею свернули... О-хо-хо!...

АЛЕКСАНДРЪ. Перестань, Костя! Не смѣшно, страшно...

КОНСТАНТИНЪ. Страшно, да... и смѣшно. Какъ во снѣ...

ГОЛОВКИНЪ. А туманъ-то, туманъ, господа, посмотрите! Что это будетъ...

ГОЛИЦЫНЪ. Того и гляди, подымемся вмѣстѣ съ туманомъ и разлетимся, какъ сонъ...

ЕЛИЗАВЕТА. Привидѣнія, привидѣнія!

Стукъ барабана, военные сигналы.

НАРЫШКИНЪ. Господа, слышите?

ГОЛИЦЫНЪ. Что такое?

ГОЛОВКИНЪ. Барабанъ?

НАРЫШКИНЪ. Да, барабанъ, рожки, трубы... Что за диво? Вѣдь зорю давно уже пробили.

ГОЛИЦЫНЪ. Да это тревога!

Вбѣгаютъ Гофъ-фурьеры.

ГОФЪ-ФУРЬЕРЫ (Палену). Ваше сіятельство, тревога! Войска во дворцѣ. Сюда идутъ...

Изъ дверей слѣва вбѣгаетъ караульный офицеръ со шпагою наголо.

ОФИЦЕРЪ. Гдѣ государь?

ПАЛЕНЪ. Какъ вы смѣете, сударь, въ присутствіи ея величества, со шпагою?...

ОФИЦЕРЪ (въ дверь). Ребята, за мной!

Солдаты съ ружьями на перевѣсъ кидаются въ залу. Шумъ, крики, свалка. Слышатся отдѣльные голоса.

ПЕРВЫЙ. Гдѣ государь? Гдѣ государь?

ВТОРОЙ. Что случилось?

ТРЕТІЙ. Бѣда во дворцѣ!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Маршъ, маршъ! Къ знаменамъ!

ПЯТЫЙ. Куда, черти, прете?

ШЕСТОЙ. Пусти!

СЕДЬМОЙ. Стой!

ВОСЬМОЙ. Я тебя, сукинъ сынъ, въ морду!

ДЕВЯТЫЙ. Бей! Бей! Въ штыки ихъ, братцы, измѣнниковъ!

ЖЕНСКІЙ ВИЗГЪ. Задавили! Ой-ой! Помогите!...

ЛИВЕНЪ. Государынѣ дурно!

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Бѣгите, бѣгите, господа! Спасайте императора! Paulchen! Paulchen!

Марія Ѳеодоровна падаетъ въ обморокъ. Входитъ Павелъ. За нимъ — Анна.

ПАВЕЛЪ (въ дверяхъ). Что это? Что это? Бунтъ?...

ОФИЦЕРЪ (солдатамъ). Стой, ребята! Государь.

СОЛДАТЫ. Ура! Ура!

ПАВЕЛЪ. Смирно-о!

Солдаты, взявъ на караулъ, строются. Шумъ стихаетъ.

ПАВЕЛЪ (Палену). Скажите-же, сударь, на милость, что это? Какъ осмѣлились?...

ПАЛЕНЪ. Не могу знать, ваше величество. Должно быть, опять тревога фальшивая, какъ тогда, въ Павловскѣ, отъ рожка почтоваго и здѣсь, въ Петербургѣ, отъ бочки пустой...

ПАВЕЛЪ. Сами вы, сударь, бочка пустая!... (Наступая на солдатъ въ ярости.) Палокъ! Плетей! Шпицрутеновъ! Я васъ всѣхъ!...

АННА (бросаясь къ Павлу). Государь!

ПАВЕЛЪ. Нѣтъ, нѣтъ, княгиня, оставьте!... Вы не знаете...

АННА (тихо). Знаю, Павлушка, знаю, миленькій, вѣрные всѣ. Развѣ не видишь, какъ испугались?...

ПАВЕЛЪ. Испугались? (Старику гренадеру.) Чего испугались?

ГРЕНАДЕРЪ. Такъ точно, ваше величество, дюжо испугались.

ПАВЕЛЪ. Да чего же, чего, дураки?

ГРЕНАДЕРЪ. Бѣда, думали, во дворцѣ. На дворѣ туманъ, зги не видать. А тутъ за гауптвахтой тревогу забили, да кто-то изъ ребятъ какъ крикнетъ: «Бѣда во дворцѣ!» — такъ сразу и кинулись. Сами не рады. Чортъ, видно, попуталъ. Померещилось...

ПАВЕЛЪ. Ахъ, дураки, дураки! Ну что мнѣ съ вами дѣлать?

АННА (тихо). Прости, Павлушка!

ПАВЕЛЪ. Точно ли нѣтъ между вами измѣнниковъ?

ГРЕНАДЕРЪ. Государь-батюшка, всѣ слуги вѣрные. Повелѣть изволь — умремъ за тебя!

СОЛДАТЫ. Умремъ! Умремъ!

ПАВЕЛЪ. Ну Богъ съ вами, прощаю.

ГРЕНАДЕРЪ (становясь на колѣни). Отецъ ты нашъ, милостивецъ! Пошли тебѣ, Господи!

Крестясь, цѣлуетъ ноги Павла.

ПАВЕЛЪ. Что ты, что ты, старикъ? Этакій бравый солдатъ, а плачетъ, какъ баба.

СОЛДАТЫ (окружая Павла и становясь на колѣни). Государь-батюшка, родимый! Благослови тебя, Господи!

Нарышкинъ, Головкинъ и Голицынъ говорятъ въ сторонѣ, тихо.

НАРЫШКИНЪ. Посмотрите-ка, что съ ними дѣлается.

ГОЛОВКИНЪ. Точно влюбленные.

ГОЛИЦЫНЪ. Какъ на икону, крестятся.

ГОЛОВКИНЪ. Кстати и далматикъ.

ГОЛИЦЫНЪ. Царь-священникъ.

НАРЫШКИНЪ. Не человѣкъ, а Богъ.

АННА (тихо). Видишь, Павлушка, какъ они любятъ тебя!

ПАВЕЛЪ. Да, любятъ. Вотъ бы на что поглядѣть господамъ якобинцамъ, — узнали бы, что крѣпко сижу на престолѣ! (Солдатамъ.) Спасибо, ребятушки!

СОЛДАТЫ. Рады стараться, ваше величество! Ура! Ура!

КУШЕЛЕВЪ (становясь на колѣни). Осанна въ вышнихъ! Благословенъ Грядый во имя Господне!

ПАВЕЛЪ (подымая глаза къ небу). Не намъ, не намъ, а имени Твоему, Господи!

ЕЛИЗАВЕТА (тихо, Александру). Какая мерзость!

Занавѣсъ.

Третье дѣйствіе

Библіотека-пріемная Павла. Книжные шкапы краснаго дерева съ бронзою. На стѣнахъ — виды Гатчины и Павловска. Канапэ и кресла, обитыя сафьяномъ. Налѣво — дверь въ парадные апартаменты; направо — черезъ корридоръ, въ кабинетъ-спальню Павла. Въ глубинѣ — окно на Нижній Лѣтній садъ. У окна маленькій столикъ съ бумагами, перьями и чернилами. Полдень. Сперва — лучъ блѣднаго зимняго солнца; потомъ — сумерки. Оттепель, мокрый снѣгъ хлопьями.

Павелъ. Марія Θеодоровна. Александръ. Константинъ. Елизавета. Гр. Паленъ. Лейбъ-медикъ Роджерсонъ. Гр. Кутайсовъ. Аргамаковъ, плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка. Маринъ, поручикъ.

Марія Феодоровна входитъ слѣва, лейбъ-медикъ Роджерсонъ — справа; по-серединѣ комнаты встрѣчаются, почти сталкиваются.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

РОДЖЕРСОНЪ. Не угодно ли будетъ обождать вашему величеству: Государь никого принимать не изволитъ; меня сейчасъ прогнали.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Aber um Gottes willen, докторъ, что случилось?

РОДЖЕРСОНЪ. Я и самъ не знаю. Кажется, во время обычной прогулки верхомъ по Лѣтнему саду, его величеству дурно сдѣлалось. Оберъ-шталмейстеръ Кутайсовъ бросился на помощь, но все уже прошло, только молвить изволили: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь». И вернулись домой.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Господи, Господи, что же это такое?

РОДЖЕРСОНЪ. Не извольте безпокоиться, ваше величество. Дастъ Богъ, все обойдется. Маленькій припадокъ удушья — должно быть, дѣйствіе оттепели. Надо бы кровь пустить. Ну да, Богъ дастъ, и такъ обойдется.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, развѣ вы не видите, онъ боленъ, не спитъ, не ѣстъ и все такой грустный... Я не знаю, что съ нимъ... Гляжу на него, и сердце болитъ... и страшно, страшно!...

Изъ дверей слѣва входятъ Александръ и Константинъ; подходятъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ и цѣлуютъ у нея руку.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Слышали, дѣти, государь боленъ?

КОНСТАНТИНЪ. Государь боленъ, а мы подъ арестомъ.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Подъ арестомъ? За что?

КОНСТАНТИНЪ. Богъ вѣсть. Сейчасъ водили въ церковь присягать.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Кому? Зачѣмъ?

КОНСТАНТИНЪ. Государю императору Павлу I. А зачѣмъ, неизвѣстно. Должно быть, усомнились въ первой присягѣ. Только отчего вторая лучше первой, опять неизвѣстно.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю...

Входитъ Паленъ.

ПАЛЕНЪ. И я ничего не понимаю.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Графъ! Наконецъ-то...

ПАЛЕНЪ. Извините, ваше величество, я къ государю...

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Нѣтъ, нѣтъ, постойте, вы намъ должны объяснить... Ради Бога...

ПАЛЕНЪ. Я уже имѣлъ честь докладывать вашему величеству: я ничего не понимаю.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Петръ Алексѣевичъ! Петръ Алексѣевичъ!... Я хочу знать, слышите, я хочу, наконецъ, знать все... Я вамъ приказываю... Мы здѣсь всѣ вмѣстѣ, одни, и можемъ обсудить на семейномъ совѣтѣ...

ПАЛЕНЪ. Какой ужъ тутъ совѣтъ семейный... А, впрочемъ, одну минутку, ваше величество. (Говоритъ въ дверь направо.) Поручикъ Маринъ, вы? Ну, ладно. Смотрите же, сударь, отъ дверей ни на шагъ, и если кто пройдетъ, доложить извольте немедленно. (Возвращаясь къ Маріи Ѳеодоровнѣ.) Итакъ, вашему величеству угодно?... (Роджерсону.) Куда вы, господинъ докторъ, подождите, сдѣлайте милость: вы намъ нужны, вы намъ теперь нужнѣе, чѣмъ кто-либо.

РОДЖЕРСОНЪ. Дастъ Богъ, все обойдется.

ПАЛЕНЪ. Кажется, безъ васъ не обойдется.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Да говорите же, говорите, графъ, — что такое?...

ПАЛЕНЪ. А то, ваше величество, что надо быть готовымъ ко всему. Мы объявляемъ войну пяти-шести европейскимъ державамъ.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Herr Jesu!... Пяти-шести...

ПАЛЕНЪ. Да. Сколько именно, я, признаться, и счетъ потерялъ. А когда доложить осмѣлился, не много ли будетъ, то отвѣтить изволили: «Сколько бы мухъ не жужжало у меня подъ носомъ, я ихъ гоню.» Но намъ Европы мало, нужно и Азію; походъ на Индію...

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. На Индію!

ПАЛЕНЪ. Да, по слѣдамъ Александра Македонскаго, къ священнымъ водамъ Инда. Двадцать тысячъ Донскихъ казаковъ уже выступило въ походъ къ Оренбургу и далѣе, по степямъ невѣдомымъ, безъ обоза, безъ продовольствія, безъ дорогъ и даже безъ маршрутовъ. Велѣно завоевать Индію — и завоюемъ...

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Графъ, графъ... aber um Gottes willen... что вы говорите? Можетъ ли быть, чтобы мы ничего не знали?...

ПАЛЕНЪ. Я и самъ не зналъ до послѣдней минуты и, чай, многаго еще не знаю.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Господи, Господи... что же будетъ?

ПАЛЕНЪ. А будетъ, полагаю, то, что англичане Индію даромъ отдать не согласятся и пожалуютъ къ намъ въ гости. Не сегодня-завтра флотъ ихъ появится у нашихъ береговъ и начнетъ бомбардировать сперва Кронштадтъ, а потомъ и Петербургъ.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Петербургъ! Herr Jesu!...

ПАЛЕНЪ. Да, и мы погибли, погибла Россія.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Господи, Господи!... Что же дѣлать?

ПАЛЕНЪ. Дѣлать нечего, ваше величество, — погибать, такъ погибать!

Марія Θеодоровна и Паленъ говорятъ тихо.

КОНСТАНТИНЪ (Александру, кивая украдкой на Палена). Прехитрая бестія!

АЛЕКСАНДРЪ. А что?

КОНСТАНТИНЪ. Развѣ не видишь, къ чему клонитъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Къ чему?

КОНСТАНТИНЪ. А къ тому, что батюшка спятилъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Что ты, Костя?

КОНСТАНТИНЪ. Ну да, а то какъ же? И знаешь, Саша, вѣдь, можетъ быть, и вправду... Голова-то у батюшки умная, умнѣе, пожалуй, всѣхъ нашихъ головъ, да есть въ ней какая-то машинка, на одной ниточкѣ держится, — а какъ порвется эта ниточка — машинка завернется и капутъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Страшно...

КОНСТАНТИНЪ. Да, страшно... А впрочемъ, наплевать — всѣ тамъ будемъ...

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА (тихо Палену). Какъ? какъ? Повторите.

ПАЛЕНЪ. «Я вижу, говоритъ, что пора нанести великій ударъ.»

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА. Великій ударъ? Что это значитъ?

ПАЛЕНЪ. Не знаю, ваше величество... подумать боюсь...

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Ахъ, понимаю, я теперь все понимаю! Онъ хочетъ меня и насъ всѣхъ... Боже мой! Боже мой!... Такъ вотъ что значитъ — «Ежели, говоритъ, сударыня, вы Екатерина II, то я вамъ не Петръ III.» Я тогда не поняла, а теперь...

теперь... Да вѣдь это значитъ, что я хочу его... Herr Jesu!... Это я-то, я... Paulchen! Paulchen!...

Плачетъ. Входитъ поручикъ Маринъ.

МАРИНЪ. Государь императоръ.

Всѣ ждутъ въ оцѣпенѣніи. Входитъ Павелъ и остановившись въ дверяхъ, со шляпой на головѣ, съ тростью подъ мышкой, скрестивъ руки, тяжело переводя дыханіе, глядитъ на всѣхъ молча. Потомъ подходитъ, по очереди, къ Маріи Ѳеодоровнѣ, Александру, Константину и Палену, останавливается передъ каждымъ изъ нихъ и глядитъ въ упоръ. Наконецъ, возвращается къ двери; вдругъ, на порогѣ, обернувшись, высовываетъ языкъ и, громко хлопнувъ дверью, уходитъ. Марія Ѳеодоровна падаетъ въ обморокъ. Роджерсонъ приводитъ ее въ чувство. Входитъ Кутайсовъ слѣва, Маринъ туда же уходитъ.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Что это было?... Что это было?...

РОДЖЕРСОНЪ. Ничего, ваше величество. Дастъ Богъ, все обойдется. Не угодно ли водицы?

КОНСТАНТИНЪ (тихо, Александру). Машинка завернулась.

ПАЛЕНЪ. Ну что, какъ вы полагаете, докторъ?

РОДЖЕРСОНЪ. А что, графъ?

ПАЛЕНЪ. Какъ что? Да вотъ что тутъ было сейчасъ?

РОДЖЕРСОНЪ. Ничего не было.

ПАЛЕНЪ. А языкъ?

РОДЖЕРСОНЪ. Ну мы, доктора, къ этому привыкли: всѣ паціенты намъ языкъ показываютъ.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Что это было?... Что это было?...

ПАЛЕНЪ. Ничего не было, по мнѣнію господина доктора, — намъ померещилось. Мы всѣ, должно быть, схо-

димъ съ ума, — прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита...

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Докторъ! Докторъ! Ступайте же къ нему скорѣе!

РОДЖЕРСОНЪ. Ваше величество, меня и давеча прогнали да чуть не прибили. Пусть ужъ лучше кто-нибудь другой...

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Графъ!

ПАЛЕНЪ. Нѣтъ, слуга покорный! Я въ сраженіяхъ бывалъ и ядрамъ не кланялся, а туда не пойду, — воля ваша, государыня, хоть казните.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Александръ! Константинъ!

КОНСТАНТИНЪ. Да вѣдь мы, матушка, подъ арестомъ — куда ужъ намъ!

КУТАЙСОВЪ. Ваше величество, позвольте, я...

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Ахъ, mein lieber Иванъ Павловичъ, ради Бога...

КУТАЙСОВЪ. Ничего-съ, ничего-съ, будьте благонадежны, ваше величество. Кстати обѣдать пора, — доложить и попробуемъ. Малой мышки левъ не обидитъ: я мышкою-съ, мышкою-съ. Вотъ такъ, потихоньку, потихонечку...

Уходитъ.

КОНСТАНТИНЪ (пріотворяя дверь и заглядывая). Подкрался. — Слушаетъ. — Въ щелку глядитъ. — Скребется. — Отперли. — Вошелъ. — Ну что-то будетъ?

Молчаніе.

КОНСТАНТИНЪ. Вышелъ!

Входитъ Кутайсовъ.

КУТАЙСОВЪ. Премилостивы. Послѣ дождика — солнышко-съ...

КОНСТАНТИНЪ. Идетъ! Идетъ!

Входитъ Павелъ.

ПАВЕЛЪ (съ изысканною любезностью, цѣлуя руку Маріи Θеодоровны). Прошу извиненія, ваше величество — къ обѣду ждать заставилъ — что-то аппетита нѣтъ. Вы ужъ, господа, не взыщите — безъ меня за столъ садиться извольте, а я ужо подойду...

Молчаніе.

ПАВЕЛЪ. Да что это всѣ вы, какъ въ воду опущенные? Напугалъ я васъ, видно, давеча моею шуточкою? Ну не буду, не буду... Пошутилъ — и довольно.... (Маріи Θеодоровнѣ.) А скажите-ка, сударыня, вѣдь и я человѣкъ?

Молчаніе.

ПАВЕЛЪ. Ну что-же? Отвѣчайте, коли спрашиваютъ — человѣкъ или нѣтъ?

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА. Человѣкъ, ваше величество...

ПАВЕЛЪ. А если человѣкъ, такъ значитъ, могу ошибаться. И вы — человѣкъ?

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА. И я...

ПАВЕЛЪ. Ну такъ, значитъ, можете простить. Простите же меня, сударыня.... И вы всѣ, господа, если я въ чемъ виноватъ...

ВСѢ (наперерывъ). Ваше величество!... Ваше величество!...

МАРІЯ ΘЕОДОРОВНА (всплескивая руками). Paulchen!... Paulchen!...

Плачетъ и хочетъ броситься на шею Павла.

ПАВЕЛЪ (отстраняясь). Ну, ну, перестаньте же!... Что за комедія! Терпѣть не могу!

Молчаніе.

ПАВЕЛЪ. Графъ Паленъ, у меня къ вамъ дѣло. А васъ, господа, не задерживаю...

Всѣ, кромѣ Павла и Палена, идутъ къ дверямъ налѣво.

ПАВЕЛЪ. Александръ!

АЛЕКСАНДРЪ (обернувшись). Батюшка?

ПАВЕЛЪ (махнувъ рукою). Нѣтъ, ничего... Ступай...

Всѣ, кромѣ Павла и Палена, уходятъ.

ПАВЕЛЪ. Докладъ, сударь, готовъ?

ПАЛЕНЪ. Такъ точно, ваше величество.

Подходятъ къ столику у окна.

ПАВЕЛЪ. Прошу садиться.

Паленъ хочетъ сѣсть спиной къ свѣту.

ПАВЕЛЪ (указывая на другой стулъ противъ себя). Нѣтъ, лицомъ къ свѣту. Когда я съ кѣмъ говорю, то привыкъ смотрѣть прямо въ лицо, сударь, слышите? — прямо въ лицо.

ПАЛЕНЪ. Такъ точно, ваше величество.

ПАВЕЛЪ. Ну то-то же. Извольте докладывать.

ПАЛЕНЪ. По указу вашего императорскаго величества, два курьера отправлены...

ПАВЕЛЪ. Что вы дѣлаете, графъ, когда не спится?

ПАЛЕНЪ. У меня, государь, сонъ — слава Богу.

ПАВЕЛЪ. Счастливецъ! Значитъ, совѣсть покойна.

ПАЛЕНЪ (продолжая докладъ). Курьеръ къ его величеству королю Прусскому...

ПАВЕЛЪ. А дурные сны бываютъ?

ПАЛЕНЪ. Намедни снился.

ПАВЕЛЪ. Что?

ПАЛЕНЪ. Бездѣлица сущая: будто бы я — куколка такая, что никакъ не повалишь — упадетъ и встанетъ...

ПАВЕЛЪ. Ванька-встанька? Да это сонъ превеселый.

ПАЛЕНЪ. Нѣтъ, государь, прескучный: упалъ и всталъ, упалъ и всталъ — такъ всю ночь и промаялся...

ПАЛЕНЪ (продолжая докладъ). Королю Прусскому предписаніе княжество Ганноверское войсками занять въ двадцать четыре часа...

ПАВЕЛЪ. А мнѣ хуже снилось: будто бы кафтанъ парчевый натягиваютъ, узкій-преузкій — никакъ не влѣзу, а все тискаютъ, такъ сдавили, что дохнуть не могу. Закричалъ и проснулся. Съ тѣхъ поръ и безсонница...

ПАЛЕНЪ (продолжая докладъ). Другой курьеръ — въ Парижъ, къ господину Первому Консулу...

ПАВЕЛЪ. Печку — льдомъ! Печку — льдомъ!... вотъ дураки...

ПАЛЕНЪ. Печку льдомъ?

ПАВЕЛЪ. Ну да. Я головой къ печкѣ сплю. Велѣлъ топить не жарко, а чтобы въ спальнѣ — ровно четыренадцать градусовъ. Пощупаю, бывало, печку — холодна; посмотрю на градусникъ — четыренадцать — и сплю. А намедни проснулся — горячохонька. Ничего не сказалъ, только на другой день всталъ пораньше изъ-за ужина да прямо въ спальню, гляжу — по всему полу рогожи, и печку льдомъ натираютъ: стынетъ до ночи, пока не пощупаю, а за ночь опять нагрѣвается. Шуты гороховые! А все на меня валятъ — говорятъ: «съ ума сошелъ!» А я тутъ при чемъ, сударь, а? при чемъ тутъ я?

ПАЛЕНЪ. Не при чемъ, государь.

ПАВЕЛЪ. Ну то-то же! Извольте, сударь, докладывать.

ПАЛЕНЪ (продолжая докладъ). Въ случаѣ неисполненія королемъ Прусскимъ предписанія, господинъ Первый Консулъ приглашается...

ПАВЕЛЪ. А скажите-ка, графъ, въ 1762 году, когда государя отца моего убили, вы гдѣ быть изволили?

ПАЛЕНЪ. Здѣсь, въ Петербургѣ, ваше величество.

ПАВЕЛЪ. Здѣсь? И что же дѣлали?

ПАЛЕНЪ. Бывъ молодъ и въ чинахъ малыхъ, — Конной гвардіи субалтернъ-офицеромъ, — ничего не зналъ про заговоръ...

ПАВЕЛЪ. Не знали тогда?... Ну а теперь знаете?

Оба встаютъ и молча, долго смотрятъ другъ другу въ глаза.

ПАВЕЛЪ. Отвѣчайте же, сударь! Знаете или не знаете, что меня убить хотятъ?

ПАЛЕНЪ. Знаю, государь.

ПАВЕЛЪ. Знаете... и молчите?...

ПАЛЕНЪ. Ваше величество, я самъ во главѣ заговорщиковъ...

ПАВЕЛЪ. Вы?... вы?... Что такое?... (Отступая въ ужасѣ.) Сумасшедшій!...

ПАЛЕНЪ. Никакъ нѣтъ, государь, я въ совершенномъ разсудкѣ...

ПАВЕЛЪ. Такъ я... я... что ли, я съ ума сошелъ?... Печку льдомъ!...

ПАЛЕНЪ. Государь, умоляю, минуту спокойствія. Если бы я не былъ увѣренъ, что ваше величество обладаетъ мудростью высочайшею, не столь человѣкамъ, сколь божеству присущею...

ПАВЕЛЪ (топая ногами въ ярости). Да говорите же, говорите, чортъ побери, что, что, что такое?...

ПАЛЕНЪ. Дѣло столь явное, что и говорить почти нечего; я — во главѣ заговорщиковъ, дабы знать все, слѣдить за всѣмъ и тѣмъ вѣрнѣе охранять отъ покушенія злодѣйскаго священную особу вашего императорскаго величества. И слава Богу, уже всѣ нити заговора въ моихъ рукахъ, шагу не сдѣлаютъ, слова не вымолвятъ, чтобы я не узналъ.

ПАВЕЛЪ. Умны, сударь, слишкомъ умны, такъ умны, что съ ума свести можете... Ванька-встанька!... Да какъ же вы смѣли не донести мнѣ тотчасъ же?

ПАЛЕНЪ. Сколько разъ хотѣлъ, уже слово было въ устахъ моихъ. Но не имѣя уликъ достовѣрнѣйшихъ, — коихъ и вы, ваше величество, еще не имѣете?... (Пристально глядитъ на Павла.) Не имѣя оныхъ уликъ и милосердствуя, — простите, государь, слово сіе изъ нѣдръ души

болящей исторгнуто, — милосердствуя къ вамъ, щадя сердце родительское, я медлилъ — и въ томъ вина моя единственная, — видитъ Богъ, мочи моей не было, мочи моей нѣтъ и сейчасъ сказать отцу, что сынъ его возлюбленный, первенецъ...

ПАВЕЛЪ. Александръ!...

ПАЛЕНЪ. Да, государь-наслѣдникъ — отцеубійца мысленный...

ПАВЕЛЪ. Сгинь, сгинь, пропади!... Никогда не повѣрю я, чтобъ Александръ... Александръ... дитя мое, мальчикъ мой милый!...

ПАЛЕНЪ. Я полагалъ, что ваше величество знать изволитъ болѣе. (Подавая бумагу.) Вотъ списокъ заговорщиковъ: ихъ высочества, оба сына ваши, обѣ невѣстки, ея величество, и почти всѣ командиры полковъ, министры, сановники...

ПАВЕЛЪ (читая). Всѣ, всѣ, всѣ!... За что, Господи?... Что я имъ сдѣлалъ?...

ПАЛЕНЪ. Я зналъ, государь, сколь тяжко...

ПАВЕЛЪ. Охъ, тяжко!... тяжко!... тяжко!... Ужъ лучше бы сразу убили!...

Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

ПАВЕЛЪ (вскакивая). Сію же минуту всѣхъ — въ кандалы, въ Сибирь, въ каторгу! .... А его.... Александра... его... разстрѣлять!...

ПАЛЕНЪ. Ваше величество, взять подъ арестъ всю царскую фамилію безъ явныхъ уликъ — ни у кого рука не подымется — я не найду исполнителей. Симъ возмутить можно всю Россію, не имѣя черезъ то еще вѣрнаго средства спасти особу вашего величества...

ПАВЕЛЪ. Такъ что же?...

ПАЛЕНЪ. Одно изъ двухъ, государь: или казнить меня извольте тотчасъ, какъ измѣнника, или довѣрьтесь мнѣ совершенно.

ПАВЕЛЪ. Немногаго, сударь, хотите! Ну, а если вы?...

ПАЛЕНЪ (ставъ на колѣни и подавая шпагу). Пронзите, ваше величество, сердце, пламенѣющее вѣрностью — и съ блаженствомъ умру здѣсь, у ногъ моего государя!

Павелъ кладетъ обѣ руки на плечи Палена, наклоняется къ нему и смотритъ въ глаза долго.

ПАВЕЛЪ. Лжетъ?... Нѣтъ... Такъ лгать нельзя... А если лжетъ, то не человѣкъ, а діаволъ, діаволъ, діаволъ!...

ПАЛЕНЪ. Ваше величество!...

ПАВЕЛЪ. Ну прости... Вѣрю.

Обнимаетъ и цѣлуетъ Палена, потомъ отходитъ къ столу и сидитъ, молча, опустивъ голову на руки.

ПАЛЕНЪ (вставая). Угодно вашему величеству знать?

ПАВЕЛЪ. Нѣтъ, нѣтъ.... потомъ.... Будетъ съ меня!... А теперь говори скорѣе, что дѣлать?

ПАЛЕНЪ (подавая бумагу). Вотъ указъ на сей случай мною приготовленный: государя-наслѣдника — въ Шлиссельбургъ, великаго князя Константина Павловича — въ крѣпость, ея величество — въ Архангельскъ, великихъ княгинь — по монастырямъ отдаленнѣйшимъ.

ПАВЕЛЪ. Подписать?

ПАЛЕНЪ. Токмо указъ оный за вашею подписью въ рукахъ имѣя, дѣйствовать могу безъ промедленія.

Павелъ подписываетъ.

ПАВЕЛЪ. Еще что?

ПАЛЕНЪ. Изъ покоевъ государыни въ спальню вашего величества двери забить наглухо.

ПАВЕЛЪ. Велѣлъ сегодня. Еще?

ПАЛЕНЪ. Кавалергардскаго полка офицеровъ со всѣхъ карауловъ снять.

ПАВЕЛЪ. Что вы, сударь? Налгали вамъ: ребята вѣрные — я ихъ всѣхъ знаю...

ПАЛЕНЪ. Ежели, ваше величество, лучше знать изволите...

ПАВЕЛЪ. Ну, ладно, ладно, — дѣлай, какъ знаешь... Надоѣло... Усталъ я что-то. (Зѣваетъ.) О-хо-хошеньки!... Только бы выспаться... Ну все, что ли?

ПАЛЕНЪ. Все... Виноватъ, государь, — еще одно...

ПАВЕЛЪ. Кончай-ка, братецъ, скорѣе. Говорю, надоѣло...

ПАЛЕНЪ. Давеча курьеръ задержанъ въ Гатчину съ подложнымъ указомъ...

ПАВЕЛЪ. Аракчееву? Гдѣ? Покажи.

Паленъ подаетъ указъ.

ПАВЕЛЪ. Да это — подлинный. Развѣ не видишь — моя рука?

ПАЛЕНЪ. Вижу, государь, что генералъ Аракчеевъ, врагъ мой злѣйшій, на мѣсто мое назначается военнымъ губернаторомъ, дабы истребить меня, — вижу и глазамъ своимъ не вѣрю...

ПАВЕЛЪ (разорвавъ указъ). Вѣришь теперь?

ПАЛЕНЪ. Вѣрю.

ПАВЕЛЪ. Ну все?

ПАЛЕНЪ. Все.

ПАВЕЛЪ. Когда же?...

ПАЛЕНЪ. Завтра или въ сію же ночь.

ПАВЕЛЪ. Опять не спать?...

ПАЛЕНЪ. Почивать извольте съ Богомъ: я за васъ не сплю.

ПАВЕЛЪ. Спасибо, другъ... Ну, торопишься, чай, — дѣла много. Ступай!

Паленъ, поцѣловавъ руку Павла, отходитъ къ двери.

ПАВЕЛЪ. Погоди.

Павелъ идетъ къ Палену и опять, какъ давеча, положивъ обѣ руки на плечи его, смотритъ ему въ глаза.

ПАВЕЛЪ. Петръ Алексѣевичъ... Петръ, любишь ли ты меня?

ПАЛЕНЪ. Люблю, государь...

ПАВЕЛЪ. Любишь?

ПАЛЕНЪ. Ваше величество, вы сами знаете: у меня только Богъ да вы. Я душу мою положу за васъ!

ПАВЕЛЪ. Душу твою за Меня положишь? — сказалъ Господь Петру — и пѣтухъ пропѣлъ... Ну, прости... Вѣрю, больше вѣрить нельзя... Дай, перекрещу... Помоги тебѣ, Господи... (Креститъ, обнимаетъ и цѣлуетъ Палена.) Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

Паленъ уходитъ. Павелъ опускается въ кресло, откидывается головой на спинку, закрываетъ глаза и дремлетъ. — Входитъ Кутайсовъ на цыпочкахъ.

ПАВЕЛЪ (просыпаясь и вздрагивая). Кто? Кто?

КУТАЙСОВЪ. Я, ваше величество, я, Иванъ.

ПАВЕЛЪ. А, Иванъ... Ванька-встанька... Вотъ напугалъ! И чего ты все мышью крадешься?...

КУТАЙСОВЪ. Я потихоньку, потихонечку... разбудить боялся...

ПАВЕЛЪ. Да, вздремнулъ. Такъ-то вотъ днемъ все дремлется, а по ночамъ не сплю. А знаешь, Иванушка, вѣдь насъ убить хотятъ...

КУТАЙСОВЪ. Что вы, что вы, ваше величество...

ПАВЕЛЪ. А небось, ежели меня убивать будутъ, такъ вы всѣ разбѣжитесь. Поражу Пастыря — и разсѣются овцы. И ты, Иванушка, ты первый — мышкою-съ, мышкою-съ...

КУТАЙСОВЪ. Ваше величество...

ПАВЕЛЪ. Ну что мое величество? Струсилъ, а? Полно. Чего трясешься? Пошутилъ, а ты и повѣрилъ, дуракъ... Не бойся, братъ, мы еще съ тобою долго будемъ жить, поживать, печку льдомъ натирать.

КУТАЙСОВЪ. Не я, государь, видитъ Богъ, не я...

ПАВЕЛЪ. Не ты, такъ я. Оба мы съ тобою, видно, Иванушки дурачки. — Ступай-ка, доложи княгинѣ Аннѣ, что сейчасъ буду.

Кутайсовъ идетъ къ двери направо.

ПАВЕЛЪ. Постой!

Пишетъ письмо, запечатываетъ и отдаетъ.

ПАВЕЛЪ. Курьера въ Гатчину къ генералу Аракчееву. «Явиться немедленно.» Скакать во весь духъ — чтобъ къ ночи былъ здѣсь. Да никому о томъ не говори, никому, слышишь? — ни даже графу Палену. Головой отвѣчаешь!

КУТАЙСОВЪ. Будьте благонадежны, ваше величество, — я потихоньку, потихонечку.

Кутайсовъ уходитъ. Павелъ опять, какъ давеча, опускается въ кресло, откидывается головой на спинку и закрываетъ глаза. Потомъ встаетъ, медленно идетъ къ двери направо, зѣваетъ и потягивается.

ПАВЕЛЪ. О-хо-хошеньки... Спать, спать, спать!...

Павелъ уходитъ направо. Изъ двери слѣва входятъ Паленъ и полковникъ Аргамаковъ.

ПАЛЕНЪ. По всѣмъ городскимъ заставамъ и шлагбаумамъ приказаніе разослать извольте наистрожайшее, дабы никого въ сію ночь не пропускали ни въ городъ, ни изъ города.

АРГАМАКОВЪ. Слушаю-съ.

ПАЛЕНЪ. Смотрите же, сударь, если, не дай Богъ, пропустятъ Аракчеева...

АРГАМАКОВЪ. Будьте покойны, ваше сіятельство.

ПАЛЕНЪ. Ну, ступайте. А что же наслѣдникъ?

АРГАМАКОВЪ. Докладывалъ. Будутъ сейчасъ. Да вотъ и они.

Аргамаковъ уходитъ налѣво. Оттуда же входитъ Александръ.

АЛЕКСАНДРЪ. Что такое?

ПАЛЕНЪ (подавая указъ). Извольте прочесть, ваше высочество: указъ объ арестѣ вашемъ и всей царской фамиліи.

Александръ читаетъ и чтобы не упасть хватается за спинку кресла.

ПАЛЕНЪ (поддерживая Александра). Дурно вамъ, государь?

АЛЕКСАНДРЪ. Ничего... Пройдетъ...

Опускается въ кресло.

АЛЕКСАНДРЪ. Я такъ и зналъ.

ПАЛЕНЪ. Еще не все...

АЛЕКСАНДРЪ. Что же?

ПАЛЕНЪ. Государь сказать изволилъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Говорите — мнѣ все равно...

ПАЛЕНЪ. Сказать изволилъ о вашемъ высочествѣ: «Разстрѣлять его!»

Александръ закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

АЛЕКСАНДРЪ (опуская руки — тихо). Ну что-жъ. Одинъ конецъ. Такъ лучше...

ПАЛЕНЪ. Лучше?

АЛЕКСАНДРЪ. Лучше — я, чѣмъ онъ...

ПАЛЕНЪ. Не вы одинъ, но и ваша супруга, матушка, братья, сестры, мы всѣ — вся Россія, вся Европа! За всѣхъ передъ Богомъ отвѣтите вы...

АЛЕКСАНДРЪ. Я?

ПАЛЕНЪ. Да, вы можете...

АЛЕКСАНДРЪ. Что я могу?

ПАЛЕНЪ. Спасти себя и всѣхъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Да вѣдь завтра же...

ПАЛЕНЪ. Завтра мы погибли, но эта ночь наша. Онъ повѣрилъ мнѣ...

АЛЕКСАНДРЪ. Повѣрилъ, что вы?...

ПАЛЕНЪ. Что я во главѣ заговора, чтобы предать васъ...

АЛЕКСАНДРЪ. И предали?...

ПАЛЕНЪ. Предалъ, чтобы спасти...

АЛЕКСАНДРЪ. Да, вотъ какъ. Меня — ему, а его — мнѣ. Но въ концѣ-то, въ концѣ, графъ, кого же вы — меня, его?... или обоихъ?

ПАЛЕНЪ. Рѣшать извольте сами.

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ все равно.

Молчаніе.

ПАЛЕНЪ. Ваше высочество, я человѣкъ терпѣливый, но есть конецъ и моему терпѣнію...

АЛЕКСАНДРЪ. Угроза?

ПАЛЕНЪ. Мнѣ ли грозить? Я самъ на волосокъ отъ гибели...

АЛЕКСАНДРЪ. А скажите-ка, Петръ Алексѣевичъ, вы когда-нибудь плакали?

ПАЛЕНЪ. Что за вопросъ? Въ младенчествѣ плакалъ.

АЛЕКСАНДРЪ. А потомъ — теперь?

ПАЛЕНЪ. Въ мои годы люди рѣдко плачутъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Не плачете, за то смѣетесь. У васъ на лицѣ всегда усмѣшка. Вотъ и сейчасъ...

ПАЛЕНЪ. Сейчасъ, кажется, смѣяться изволите вы. Ну что-жъ, воля ваша. Я ношу сію шпагу недаромъ, но отвѣчать вамъ не могу, государь...

АЛЕКСАНДРЪ. Какой государь! Приговоренный къ смерти...

ПАЛЕНЪ. Ужо успѣете плакать, а теперь позвольте же и мнѣ поплакать — я вѣдь тоже умѣю, хотя вы и не вѣрите... Завтра вы — государь или ничто, но сегодня человѣкъ. Сегодня мы всѣ — люди — и я, и вы, и онъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Да, и вы — человѣкъ...

ПАЛЕНЪ. Ну такъ какъ же вы думаете, легко человѣку вынести то, что я вынесъ, когда онъ тутъ сейчасъ

обнималъ меня, цѣловалъ, называлъ своимъ другомъ, благодарилъ за вѣрность и самъ довѣрился мнѣ, какъ дитя малое?

АЛЕКСАНДРЪ. Для кого же вы, сударь, стараетесь?

ПАЛЕНЪ. Для себя, для васъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Благодарю покорно.

ПАЛЕНЪ. Повѣрили?... Какъ вы людей презираете, ваше высочество!... Нѣтъ, не для себя и не для васъ, а для Россіи, для Европы, для всего человѣчества. Ибо самодержецъ безумный — есть ли на свѣтѣ страшилище оному равное? Какъ хищный звѣрь, что вырвался изъ клѣтки и на всѣхъ кидается...

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ вы его ненавидите!

ПАЛЕНЪ. Ненавижу? За что? Развѣ онъ знаетъ, что дѣлаетъ? Сумасшедшій съ бритвою... Не его, Богомъ клянусь, не его, безумца, жалости достойнаго, я ненавижу, а источникъ онаго безумія — деспотичество! Нѣкогда вы говорить мнѣ изволили, ваше величество, что самодержавную власть и вы ненавидите и что гражданскую вольность Россіи даровать намѣрены. Я повѣрилъ тогда.... Но вы говорили — я дѣлаю. А дѣлать труднѣе, чѣмъ говорить...

АЛЕКСАНДРЪ. Петръ Алексѣевичъ...

ПАЛЕНЪ. Нѣтъ, слушайте — ужъ если говорить меня заставили, такъ слушайте! Я думалъ, что Господь избралъ насъ обоихъ для сего высочайшаго подвига — возвратить права человѣческія сорока милліонамъ рабовъ. Вижу теперь, что ошибся. Не мы съ вами — орудіе Божьихъ судебъ. Рабами родились и умремъ рабами. Но не знаю, какъ вы, а я — пусть умру на плахѣ, — я счастливъ есмь погибнуть за отечество и на Божій судъ предстану съ чистою совѣстью — я сдѣлалъ, что могъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Петръ Алексѣевичъ, простите...

ПАЛЕНЪ. Ваше высочество!...

АЛЕКСАНДРЪ. Я виноватъ передъ вами — простите меня!...

ПАЛЕНЪ. Вы... вы?... Нѣтъ, я... ваше высочество... ваше величество...

Становится на колѣни.

АЛЕКСАНДРЪ. Что вы, что вы, графъ? Перестаньте!...

ПАЛЕНЪ. Да — ваше величество! Отнынѣ для меня государь императоръ Всероссійскій — вы — и никто, кромѣ васъ... Ангелъ-избавитель отечества, Богомъ избранный, благословенный!...

Цѣлуетъ руки Александра.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, вы не поняли...

ПАЛЕНЪ. Понялъ все...

АЛЕКСАНДРЪ. Да нѣтъ же, нѣтъ, слышите, нѣтъ, я не хочу...

ПАЛЕНЪ. Не хотите? Ну что-жъ, такъ я за васъ!... Я одинъ!... И никто никогда не узнаетъ... Пусть думаютъ всѣ, что я, а не вы... Пропадай моя голова, только бы вамъ спастись!...

АЛЕКСАНДРЪ. Не надо, не надо! Ради Бога, обѣщайте, клянитесь...

ПАЛЕНЪ. Клянусь, что сдѣлаю все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы этого не было. Но не говорите больше!... Кончено, кончено!... Слава Богу — спасена Россія. (Подавая бумагу.) Только подписать извольте — и кончено.

АЛЕКСАНДРЪ. Что это?

ПАЛЕНЪ. Манифестъ объ отреченіи императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра.

Александръ долго и молча смотритъ на Палена.

АЛЕКСАНДРЪ. Подписать?

ПАЛЕНЪ. Да.

АЛЕКСАНДРЪ. Кровью?

ПАЛЕНЪ. Зачѣмъ кровью? Чернилами.

АЛЕКСАНДРЪ. А я думалъ, — кровью...

ПАЛЕНЪ. Опять смѣяться изволите...

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, не я, а вы... опять... (Вскакиваетъ, комкая бумагу и бросая на полъ.) Прочь! Прочь! Прочь!... Діаволъ!... (Падаетъ въ кресло, плачетъ и смѣется вмѣстѣ, какъ въ припадкѣ.) Уходите, оставьте меня!... Господи! Господи... Что вы со мною дѣлаете!... Не могу! Не могу! Не могу!...

ПАЛЕНЪ (подавая воды). Успокойтесь, успокойтесь, ваше высочество!... Водицы испейте...

АЛЕКСАНДРЪ. Уходите! Уходите! Оставьте меня!...

ПАЛЕНЪ. Уйду — только не кричите же такъ, ради Бога... Услышатъ...

ПАЛЕНЪ (отойдя къ двери и глядя на Александра — тихо, съ презрѣніемъ). Прескверная штука, неугодно ли стаканъ лафита, — ребенокъ и женщина!

АЛЕКСАНДРЪ. Петръ Алексѣевичъ... (Паленъ не отвѣчаетъ.) Петръ Алексѣевичъ!

ПАЛЕНЪ. Государь?

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, давайте же...

ПАЛЕНЪ. Что?

АЛЕКСАНДРЪ. Подписать.

ПАЛЕНЪ (стремительно бросаясь и подбирая съ пола бумагу). Вотъ! Вотъ!

Александръ подписываетъ.

ПАЛЕНЪ. Уфъ! (Вытираетъ потъ съ лица.) Ну, а теперь...

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ... Уходите!... Уходите!... Уходите!...

ПАЛЕНЪ. Ушелъ, ушелъ... только ручку позвольте, ручку, коей спасено отечество.

Паленъ цѣлуетъ руку Александра и уходитъ. Александръ сидитъ въ креслѣ, точно такъ

же, какъ давеча Павелъ, откинувшись головой на спинку и закрывъ глаза. Входитъ Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА. Саша? (Молчаніе.) Ты спишь, Саша?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ.

ЕЛИЗАВЕТА. Тутъ былъ Паленъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Былъ.

ЕЛИЗАВЕТА. Молчи, молчи!.... Не надо!.... Я знаю... (Становясь на колѣни и цѣлуя руки Александра.) Саша, Саша, мальчикъ мой бѣдненькій...

АЛЕКСАНДРЪ. Все равно.

Молчаніе.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога. Это намъ попъ говорилъ давеча въ церкви, когда присягали. — Ну, а если государь — сумасшедшій, — власть тоже отъ Бога? Сумасшедшій съ бритвою. И бритва отъ Бога? Хищный звѣрь, что вырвался изъ клѣтки... И царство Звѣря — царство Божье? Ничего понять нельзя...

ЕЛИЗАВЕТА. Это я, Саша, я... Я тебѣ сказала, что мы должны...

АЛЕКСАНДРЪ. Должны, не должны. Надо и нельзя. Нельзя и надо. Кто-жъ это такъ сдѣлалъ? Богъ, что ли, а?... Ты вѣришь въ Бога, Лизхенъ?

ЕЛИЗАВЕТА. Господи, Господи!... Это я, я...

АЛЕКСАНДРЪ. Ты? Нѣтъ, не ты и не я. Никто. И всѣ... Ничего понять нельзя. А можетъ быть, и не надо... ничего не надо... ничего и нѣтъ... и Бога нѣтъ?

ЕЛИЗАВЕТА. Не говори такъ... Страшно, страшно!...

АЛЕКСАНДРЪ. Все равно.

Занавѣсъ.

Четвертое дѣйствіе

Первая картина

Собраніе заговорщиковъ въ квартирѣ генерала Талызина, въ Лейбъ-кампанскомъ корпусѣ Зимняго дворца.

Столовая — большая низкая комната, казарменнаго вида, со сводами и голыми выбѣленными стѣнами. По стѣнамъ — портреты царскихъ особъ; портретъ во весь ростъ императора Павла I, въ порфирѣ, въ коронѣ, со скипетромъ. Въ глубинѣ — дверь на лѣстиицу. Слѣва — дверь во внутреннія комнаты, канапэ и кафельная печка. Справа — два окна на Неву и Петропавловскую крѣпость, оттуда иногда слышится бой курантовъ. По серединѣ комнаты — большой накрытый столъ со множествомъ бутылокъ; между окнами — меньшій столъ съ водками и закусками.

Ночь. Шандалы съ восковыми свѣчами. Только что кончили ужинать. Одни сидятъ еще за столомъ и пьютъ; другіе, стоя, разговариваютъ, кучками. Заговорщиковъ болѣе сорока человѣкъ; всѣ — военные. Тѣсно, душно, накурено.

Гр. Паленъ, военный губернаторъ Петербурга. Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка. Депрерадовичъ, командиръ Семеновскаго полка. Генералы: Бенигсенъ, Тучковъ, князья Зубовы — Платонъ, Валеріанъ, Николай. Флотскій командиръ Клокачевъ. Полковники: кн. Яшвиль, Мансуровъ, Бибиковъ, Татариновъ. Штабсъ-капитаны: Бар. Розенъ, Скарятинъ. Капитанъ Шеншинъ. Ротмистръ Титовъ. Плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка, Аргамаковъ. Поручики: кн. Волконскій, кн. Долгорукій, Ефимовичъ. Подпоручики: Филатовъ, Мордвиновъ. Корнетъ Гардановъ. Деньщики: Ѳедя и Кузьмичъ.

ГОЛОСА. Ура, свобода! Ура, Александръ!

СКАРЯТИНЪ (капитанъ — Талызину). Ваше превосходительство, еще бы шампанскаго дюжинку.

ТАЛЫЗИНЪ. Пейте, господа, на здоровье.

ТАТАРИНОВЪ (полковникъ). Жжонку, жжонку несутъ, зажигайте жжонку!

БАРОНЪ РОЗЕНЪ (штабсъ-капитанъ — стоя у стола, читаетъ по тетрадкѣ). Поелику подобаетъ намъ первѣе всего обуздать деспотичество нашего правленія...

СКАРЯТИНЪ. Что читаетъ?

ТАТАРИНОВЪ. Пункты Конституціи Россійской.

ФИЛАТОВЪ (подпоручикъ). Виватъ, конституція!

СКАРЯТИНЪ. Круглыя шляпы да фраки, виватъ!

ТАТАРИНОВЪ. Пукли, пудру долой!

ФИЛАТОВЪ. Долой цензуру! Вольтера будемъ читать!

СКАРЯТИНЪ. Банчишко метать, фараончикъ съ макашкою!

ТАТАРИНОВЪ. На тройкахъ, съ бубенцами, съ форейторомъ — катай, валяй, жги! Ура, свобода!

ВОЛКОНСКІЙ (поручикъ — сидя верхомъ на стулѣ и раскачиваясь, пьяный, поетъ).

Allons, enfants de la patrie!
Le jour de gloire est arrivé.

ДОЛГОРУКІЙ (поручикъ — сидя передъ кн. Волконскимъ на полу, безъ мундира, съ гитарой, пьяный, поетъ).

Ахъ, ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?...

ВОЛКОНСКІЙ (кн. Долгорукому). Петинька, Петинька, пропляши казачка, утѣшь, родной!

ДОЛГОРУКІЙ. Отстань, чортъ!

РОЗЕНЪ (продолжая читать). Тогда воспріиметъ Россія новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится...

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ (генералъ — указывая на Платона Зубова). Что такое съ княземъ?

ЯШВИЛЬ (полковникъ). Медвѣжья болѣзнь — разстройство желудка отъ страха.

ТАЛЫЗИНЪ. Трусъ! Подъ Катькиными юбками обабился. Служба-то отечеству не то, знать, что служба постельная: по ночамъ, бывало, у дверей спальни мяукаетъ кóтомъ, зоветъ императрицу на свиданіе; ему двадцать лѣтъ, а ей семьдесятъ — въ морщинахъ вся, желтая, обрюзглая, зубы вставные, изо рта пахнетъ — брр!... съ тѣхъ поръ его тошнитъ!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. За то чуть не самодержцемъ сталъ.

ТАЛЫЗИНЪ. А теперь сталъ Брутомъ.

ЯШВИЛЬ. Брутъ съ разстройствомъ желудка!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Да вѣдь что, братцы, подѣлаешь? Революція въ собственномъ брюхѣ важнѣе всѣхъ революцій на свѣтѣ!

ТАЛЫЗИНЪ (подходя къ Зубову, который лежитъ на канапэ). Не полегчало, князь?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (генералъ). Какое тамъ!...

ТАЛЫЗИНЪ. Гофманскихъ капель бы приняли.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Ну ихъ, капли! Домой бы, въ постель, да припарки... А я тутъ съ вами возись, чортъ бы побралъ этотъ заговоръ! Попадемъ въ лапы Аркачееву, тѣмъ дѣло и кончится...

РОЗЕНЪ (продолжая читать). По тринадцатому пункту Конституціи Россійской...

ТАЛЫЗИНЪ. Всѣхъ-то пунктовъ сколько?

РОЗЕНЪ. Сто девяносто девять.

ТАЛЫЗИНЪ. Батюшки! Этакъ, пожалуй, и къ утру не кончите.

РОЗЕНЪ (продолжая читать). По тринадцатому пункту Конституціи Россійской собирается Парламѐнтъ...

СКАРЯТИНЪ. Это что за штука?

ТАТАРИНОВЪ. Парламѐнтъ — штука нѣмецкая...

ФИЛАТОВЪ. Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

СКАРЯТИНЪ. А знаете, господа, у княгини Голицыной три обезьянки: когда одинъ самецъ да самочка амурятся, то другой смотритъ на нихъ и, представьте себѣ, тоже...

Говоритъ на ухо.

ТИТОВЪ (ротмистръ). Удивительно!

Трое — у закусочнаго стола.

ПЕРВЫЙ. Послѣдняя цѣна — полтораста.

ВТОРОЙ. Хочешь сто?

ПЕРВЫЙ. Что вы, сударь, Бога побойтесь! Хотя и крѣпостная, а все равно, что барышня. Шестнадцать лѣтъ, настоящій розанчикъ. Стирать и шить умѣетъ.

ВТОРОЙ. Сто двадцать — больше ни копѣйки.

ПЕРВЫЙ. Ну, чортъ съ вами, — по рукамъ. Ужъ очень деньги нужны — въ пухъ проигрался.

ТРЕТІЙ. Такъ-то вотъ и у насъ въ полку штабсъ-капитанъ Раздиришинъ все, бывало, малолѣтнихъ дѣвокъ покупалъ и столько онъ ихъ перепортилъ, страсть!

Трое — у печки.

ПЕРВЫЙ. Всѣ люди изъ рукъ природы выходятъ совершенно равными, какъ сказалъ господинъ Мабли.

ВТОРОЙ. Въ природѣ, сударь, нѣтъ равенства: и на деревѣ листъ къ листу не приходится.

ТРЕТІЙ. Равенство есть чудовище, которое хочетъ быть королемъ.

ПЕРВЫЙ. Неужели вы, господа, не разумѣете, что политическая вольность націи...

ВТОРОЙ. Вольность? Что такое вольность? Обманчивый есть шумъ и дымъ пустой.

МАНСУРОВЪ (полковникъ). Все — прахъ, все — тлѣнъ, все — тѣнь: умремъ, и ничего не останется.

ТРЕТІЙ. Vous avez le vin triste, monsieur!

ШЕНШИНЪ (капитанъ). Ахъ ты, птенецъ, птенецъ! И такъ тебя сюда затащили?

ГАРДАНОВЪ (корнетъ). Изъ трактира Демута, дяденька, за компанію. Пили тамъ — все такіе славные ребята. «Поѣдемъ, говорятъ, Вася, къ Талызину!» Вотъ я и поѣхалъ.

ШЕНШИНЪ. Ну куда бе тебѣ въ этакое дѣло, мальчикъ ты маленькій?

ГАРДАНОВЪ. Какой же маленькій, помилуйте, — мнѣ скоро двадцать лѣтъ — вчера предложеніе сдѣлалъ — стишокъ сочинилъ — хотите скажу? Только на ушко, чтобъ никто не слышалъ.

Зачѣмъ въ безуміи стараться
Востокъ съ Полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольну Машеньку любить.

ЕФИМОВИЧЪ (поручикъ). По исчисленію господина Юнга Штиллинга, кончина міра — черезъ тридцать пять лѣтъ.

ТАТАРИНОВЪ. Ого! Да вы, сударь, фармазонъ, что ли?

ЕФИМОВИЧЪ. Мы — священники, перстъ Горусовъ на устахъ держащіе и книги таинствъ хранящіе.

ТАТАРИНОВЪ (тихо). Просто — мошенники: въ мутной водѣ рыбу ловятъ.

ЕФИМОВИЧЪ. Наша наука въ Эдемѣ еще открылась.

ТИТОВЪ. Удивительно!

ЕФИМОВИЧЪ. А извѣстно ли вамъ, государи мои, что по системѣ Канта?...

СКАРЯТИНЪ. Это еще что за Кантъ?

ЕФИМОВИЧЪ. Нѣмецкій филозофъ.

ФИЛАТОВЪ. Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

СКАРЯТИНЪ. А я вамъ говорю, братцы, у княгини Голицыной три обезьянки: когда самецъ и самочка...

КЛОКАЧЕВЪ. Какъ же, знаю, знаю господина Канта — въ Кенигсбергѣ видѣлъ: старичекъ бѣленькій да нѣжненькій, точно пуховочка — все по одной аллеѣ ходитъ взадъ и впередъ, какъ маятникъ — говоритъ скоро и невразумительно.

ЕФИМОВЪ. Ну такъ вотъ, государи мои, по системѣ Кантовой — Божество неприступно есть для человѣческаго разума...

ТАТАРИНОВЪ. А слышали, господа, намедни, въ Гостиномъ дворѣ, подпоручикъ Ѳомкинъ доказывалъ публично, какъ дважды два — четыре, что никакого Бога нѣтъ?

ТИТОВЪ. Удивительно!

ТАЛЫЗИНЪ. Господа, господа, намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ не знаетъ о чемъ!

МАНСУРОВЪ. Какія дѣла? Умремъ — и ничего не останется: все — прахъ, все — тлѣнъ, все — тѣнь...

ДОЛГОРУКІЙ (поетъ).

Ахъ, ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?...

СКАРЯТИНЪ. А я тебѣ говорю, есть Богъ!

ТАТАРИНОВЪ. А я тебѣ говорю, Бога нѣтъ!

ВОЛКОНСКІЙ. Петинька, Петинька, пропляши казачка, миленькій!

ДОЛГОРУКІЙ. Отстань, чортъ!

ГОЛОСА. Слушайте! Слушайте!

ТАЛЫЗИНЪ (читаетъ). Отреченіе отъ престола императора Павла I. Мы, Павелъ I, милостью Божьей, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и прочее, и прочее, безпристрастно и непринужденно объявляемъ, что отъ правленія государства Россійскаго навѣкъ отрицаемся, въ чемъ клятву нашу предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ прино-

симъ. Вручаемъ же престолъ нашъ сыну и законному наслѣднику нашему, Александру Павловичу.

РОЗЕНЪ. А гдѣ же конституція?

ТАЛЫЗИНЪ. Александръ — наша конституція!...

ГОЛОСА. Виватъ, Александръ!

ТАЛЫЗИНЪ. Мы, господа, на совѣсть. Извольте и то разсудить, что государь самодержавный не имѣетъ права законно власть свою ограничить, понеже Россія вручила предкамъ его самодержавіе нераздѣльное...

БИБИКОВЪ. Помилуйте, господа, изъ-за чего же мы стараемся? Изъ-за круглыхъ шляпъ да фраковъ, что ли?

ГОЛОСА. Круглыя шляпы да фраки, виватъ! Виватъ, свобода!

КЛОКАЧЕВЪ. Неугодно ли будетъ, государи мои, выслушать прожектъ о соединеніи областей Россійской имперіи, по образцу Сѣверо-Американской республики?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. А вотъ, погодите, задастъ вамъ ужо Аракчеевъ Республику!

Шумъ, крики.

ОДНИ. Виватъ, самодержавіе!

ДРУГІЕ. Виватъ, конституція!

ТУЧКОВЪ (генералъ). А мнѣ что-то, ребятушки, боязно — ужь не чортъ ли насъ путаетъ?...

ТАЛЫЗИНЪ. Господа, господа! Дайте же слово сказать...

ГОЛОСА. Слушайте! Слушайте!

ТАЛЫЗИНЪ. Россійская имперія, столь велика...

ПЕРВЫЙ. Велика Ѳедора да дура.

ВТОРОЙ. Ничего въ Россіи нѣтъ — по внѣшности, есть все, а на дѣлѣ, нѣтъ ничего.

ТРЕТІЙ. Россія — метеоръ: блеснулъ и пропалъ.

МАНСУРОВЪ. Умремъ — и ничего не останется: все — прахъ, все — тлѣнъ, все — тѣнь...

ГОЛОСА. Слушайте! Слушайте!

ТАЛЫЗИНЪ. Россiйская имперiя столь велика и обширна, что кромѣ государя самодержавнаго, всякое иное правленiе неудобовозможно и пагубно...

ГОЛОСА. Вѣрно! Вѣрно! Къ чорту конституцiю! Это все нѣмцы придумали, враги отечества, фармазоны проклятые!

ТАЛЫЗИНЪ. Ибо что, господа, зримъ въ Европѣ? Просвѣщеннѣйшiй изъ всѣхъ народовъ, сбросилъ съ себя златыя цѣпи порядка гражданскаго, опрокинулъ алтари и троны и, какъ потокъ, надутый всѣми мерзостями злочестiя и разврата, выступилъ изъ береговъ своихъ, угрожая затопить Европу...

ТАТАРИНОВЪ. Европа скоро погрузится въ варварство...

ТАЛЫЗИНЪ. Одна Россiя, какъ нѣкiй колоссъ неколебимый, стоитъ, и основанiе онаго колосса — вѣра православная, власть самодержавная.

ГОЛОСА. Виватъ, самодержавiе! Виватъ, Россiя!

СКАРЯТИНЪ. Россiя спасетъ Европу.

ТИТОВЪ. Удивительно!

МОРДВИНОВЪ (подпоручикъ). Граждане Россiйскiе...

ВОЛКОНСКIЙ. Петинька, Петинька, пропляши казачка!

ДОЛГОРУКIЙ. Отстань, чортъ!

ГОЛОСА. Слушайте! Слушайте!

МОРДВИНОВЪ. Граждане Россiйскiе! Можетъ ли быть вольность политическая тамъ, гдѣ нѣтъ простой человѣческой вольности, и гдѣ миллiоны рабовъ томятся подъ властью помѣщиковъ? Звѣри алчные, пiявицы ненасытные, что мы оставляемъ крестьянству? То, чего отнять не можемъ, — воздухъ. Обратимъ же взоры наши на человѣчество и устыдимся, граждане! Низлагая тирана да не будемъ сами тиранами — освободимъ рабовъ...

ТАТАРИНОВЪ. А Емельку Пугачева забыли?

СКАРЯТИНЪ. Освободи ихъ, отродіе хамово, такъ они намъ горло перервутъ.

МОРДВИНОВЪ. Граждане Россійскіе!

ОДНИ. Слушайте! Слушайте!

ДРУГІЕ. Довольно! Довольно!

МОРДВИНОВЪ. Блюдитесь же, граждане! День мщенія грядетъ — возстанутъ рабы и цѣпями своими разобьютъ намъ головы, и кровью нашею нивы свои обагрятъ. Плаха и петля, мечь и огонь — вотъ что насъ ждетъ. Будетъ, будетъ сіе... Взоръ мой проницаетъ завѣсу временъ... Я зрю сквозь цѣлое столѣтіе... я зрю...

ГОЛОСА. Молчите! Молчите! Довольно!

ТАТАРИНОВЪ. Вы оскорбляете, сударь, дворянство Россійское. Мы не позволимъ...

ТАЛЫЗИНЪ. Господа, мы все не о томъ — намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ знаетъ о чемъ!

ГОЛОСА. Въ чемъ же дѣло, говорите.

ТАЛЫЗИНЪ. А дѣло въ томъ, что, если государь отреченья не подпишетъ, такъ какъ намъ быть?...

ОДНИ. Арестовать!

ДРУГІЕ. Въ Шлиссельбургъ!

ТАЛЫЗИНЪ. Легко сказать — Шлиссельбургъ. Войска ему преданы — освободятъ — и что тогда?

БЕНИГСЕНЪ (генералъ). Messieurs, le vin est tiré, il faut le boire. У государя самодержавнаго корону отнять и сохранить ему жизнь, есть дѣло невозможное.

Всѣ сразу умолкли; такая тишина, что слышится бой курантовъ за Невою, на Петропавловской крѣпости.

ТУЧКОВЪ. О-хо-хо! Царя убить — страшное дѣло...

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Помазанникъ Божій...

ШЕНШИНЪ. Присяга не шутка...

ЕФИМОВИЧЪ. И въ Писаніи сказано: Бога бойтесь, царя чтите...

БИБИКОВЪ (полковникъ). Государи мои милостивые, для всякаго ума просвѣщеннаго невинность тираноубійцы есть математическая ясность: ежели, скажемъ, нападетъ на меня злодѣй и вознесши надъ главою моею кинжалъ...

ЯШВИЛЬ. Эхъ, господа, чего канитель-то тянуть? Намедни онъ меня по лицу ударилъ, а таковыя обиды кровью смываются — вотъ вамъ и вся математика!

ГОЛОСА. Вѣрно! Вѣрно! Кровь за кровь! Смерть тирану!

ГАРДАНОВЪ (вскочивъ на стулъ).

Ликуйте, склепанны народы,
Пылай, кровавая заря!
Се, правосудіе свободы
На плаху возвело царя!

ГОЛОСА. Смерть тирану! Смерть тирану! Ура, свобода!

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ (генералъ — съ деревянною ногою). Нѣтъ, господа! Я, одинъ на одинъ, хоть съ чортомъ биться готовъ, — но сорокъ человѣкъ на одного, — воля ваша, я не запятнаю шпаги моей таковою подлостью!

БИБИКОВЪ. Лучше сорокъ человѣкъ на одного, чѣмъ одинъ на сорокъ милліоновъ — тутъ, говорю, математика...

ОДНИ. Къ чорту математику! Не хотимъ! Ненадо! Ненадо!

ТУЧКОВЪ. Жаль Павлушку...

ДРУГІЕ. А коли вамъ жаль, такъ ступайте, доносите!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Господа, разойдемся, — а то арестуютъ — тѣмъ дѣло и кончится.

ТАЛЫЗИНЪ. Что вы, князь? Сами кашу заварили, а теперь на попятный?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Да вѣдь не я одинъ, а вотъ и они...

ОДНИ. Князь правду говоритъ — толку не быть — разойдемся.

ДРУГІЕ. Трусы! Шпіоны! Предатели!

ПЕРВЫЙ. Какъ вы, сударь, смѣете?...

Кто-то въ кого-то пускаетъ бутылкою.

ГОЛОСА. Ваше превосходительство, тутъ дерутся.

ГОЛОСА. Тише, тише вы тамъ, черти, анаѳемы!

ТАЛЫЗИНЪ. Господа, господа, какъ вамъ не стыдно? Отечество въ опасности, а вы...

Крикъ, смятеніе. Платонъ Зубовъ пробирается къ выходу.

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ. Куда ты, Платонъ?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Домой.

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ. Братъ, а, братъ, да ты и вправду струсилъ, что ли?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. А ты чего хорохоришься? На деревяшкѣ то своей не далеко ускачешь. И не самъ ли сейчасъ говорилъ, что убивать не пойдешь?

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ. Не пойду убивать, но умирать пойду за отечество.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Ну, братъ, знаемъ — Кузькина мать собиралась умирать... Да ну же, полно дурить, пусти.

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ. Не пущу!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (толкаетъ его). Пусти, чортъ!

ВАЛЕРІАНЪ ЗУБОВЪ (обнажая шпагу). Стой, подлецъ! Заколю!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (кидаясь на него со шпагою). Ахъ, ты каракатица безногая! Я тебя!...

Бьются. Ихъ разнимаютъ.

ТАЛЫЗИНЪ. Платонъ Александровичъ! Валеріанъ Александровичъ! Братъ на брата...

Стукъ въ наружную дверь.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (въ ужасѣ, падая навзничь на стулъ). Аракчеевъ!...

Смятеніе.

ГОЛОСА. Аракчеевъ! Аракчеевъ! Бѣгите!

ТАЛЫЗИНЪ. Господа, что вы? Богъ съ вами, какой Аракчеевъ? Это Паленъ — мы Палена ждемъ.

ГОЛОСА. Паленъ, Паленъ! Эхъ, перетрусили!

ТАЛЫЗИНЪ (у двери). Кто тамъ?

ГОЛОСЪ (изъ-за двери). Да я же, я, Николай Зубовъ. Отпирайте, чортъ побери, ошалѣли, что ли?

Талызинъ отпираетъ. Входитъ кн. Николай Зубовъ.

ТАЛЫЗИНЪ. Ну, батюшка, напугали.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. А что?

ТАЛЫЗИНЪ. Думали, Аракчеевъ.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Типунъ вамъ на языкъ — зачѣмъ его поминаете къ ночи?

ТАЛЫЗИНЪ. А вы гдѣ же, сударь, пропадали?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Болѣлъ.

ТАЛЫЗИНЪ. Животикъ тоже, какъ у братца?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Не животъ, а чортъ.

ТАЛЫЗИНЪ. Чортъ? Въ какомъ же видѣ?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. А въ видѣ генерала Аракчеева.

ТАЛЫЗИНЪ. Тьфу, скверность!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Да, сперва по ночамъ душилъ, а потомъ и днемъ являться сталъ: куда не обернусь — все эта рожа паскудная — торчитъ, будто бы подъ бокомъ да шепчетъ на-ухо: «Поди, донеси, а то арестую!» И такая на меня тоска напала, такая, братцы, тоска — ну просто смерть. Пойду-ка, думаю, къ знахаркѣ: коли порча, съ уголька не спрыснетъ ли? По утру сегодня ранешенько иду мимо Лѣтняго сада, по Набережной — темень, слякоть, склизко — на мостикѣ Лебяжьемъ споткнулся, упалъ, едва ногу не вывихнулъ — ну, думаю, шабашъ, тутъ меня

Аракчеевъ и сцапаетъ. Гляжу — а на снѣгу образокъ лежитъ малюсенькій — вотъ этотъ самый, видите? Николай Угодникъ Мценскій.

ТИТОВЪ. Удивительно!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Подобралъ его, перебѣжалъ по мосткамъ на Петербургскую, къ Спасу, отслужилъ молебенъ, да какъ запѣли: «Отче, святителю Николаю, моли Бога о насъ», — такъ меня словно что осѣнило: ахъ, батюшка, думаю, да вѣдь это онъ самъ, святитель-то, ангелъ мой благословилъ меня иконкою. И все какъ рукой сняло — ничего теперь не боюсь — и вы, братцы, не бойтесь — Никола вывезетъ!

ТАЛЫЗИНЪ. Никола-то Николою, а мы тутъ, ваше сіятельство, чуть не перессорились...

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Изъ-за чего?

ТАЛЫЗИНЪ. А если отреченья государь не подпишетъ, такъ что дѣлать?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Что дѣлать? Убить, какъ собаку — и кончено!

ГОЛОСА. Убить! Убить! Собакѣ — собачья смерть! Смерть тирану!

БИБИКОВЪ (въ изступленіи). Не ему одному, а всѣмъ! Пока не перерѣжемъ ихъ всѣхъ, не истребимъ гнѣздо проклятое, — не будетъ въ Россіи свободы.

ОДНИ. Всѣхъ! Всѣхъ! Бить такъ бить!

ДРУГІЕ. Что вы, что вы, братцы — Бога побойтесь!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Небойсь, ребята, небойсь — Никола вывезетъ!

Стукъ въ дверь. Опять, какъ давеча, смятеніе.

ГОЛОСА. Аракчеевъ! Вотъ когда Аракчеевъ! Бѣгите! Бѣгите!

ТАЛЫЗИНЪ (у двери). Кто тамъ?

ГОЛОСЪ (изъ-за двери). Графъ Паленъ.

Талызинъ отпираетъ дверь. Входитъ Паленъ.

ПАЛЕНЪ. Ну что, господа, какъ у васъ тутъ? Все ли готово?

ТАЛЫЗИНЪ. Все, ваше сіятельство. Только вотъ никакъ сговориться не можемъ...

ПАЛЕНЪ. Не говорить, а дѣлать надо. Одно, друзья мои, помните: не разбивши яицъ, не состряпаешь яичницы.

ТАТАРИНОВЪ. Это что же значитъ? А?

СКАРЯТИНЪ. Яйца — головы царскія, а яичница — революція, что ли?

ПАЛЕНЪ. Ну, господа, времени терять нечего — идемъ.

ГОЛОСА. Идемъ! Идемъ!

ПАЛЕНЪ. На два отряда раздѣлимся: одинъ со мною, другіе съ княземъ Платономъ Александровичемъ...

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Нѣтъ, графъ, на меня не расчитывайте.

ПАЛЕНЪ. Что такое?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Не могу — боленъ.

ПАЛЕНЪ. Что вы, что вы, Платонъ Александровичъ, батюшка, помилуйте, въ послѣднюю минуту — прескверная штука, неугодно ли стаканъ лафита!

БЕНИГСЕНЪ. Не извольте безпокоиться, графъ. Князь, правда, боленъ. Но это пройдетъ — у меня для него отличное средство... (Платону Зубову.) Ваше сіятельство, на два слова. (Палену.) А вы, графъ, пока раздѣляйте отряды.

Бенигсенъ отводитъ Платона Зубова въ сторону.

ПАЛЕНЪ. Господа, кому угодно со мною, сюда пожалуйте, направо, а прочіе съ княземъ — налѣво.

Всѣ стоятъ, не двигаясь.

ПАЛЕНЪ. Ну что же? Раздѣляйтесь... (Молчаніе.) А, понимаю...

Самъ разставляетъ всѣхъ, по очереди.

ПАЛЕНЪ. Со мной — съ княземъ, со мной — съ княземъ.

Платонъ Зубовъ и Бенигсенъ — въ сторонѣ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Что вамъ, сударь, угодно?

БЕНИГСЕНЪ. А то, что если вы...

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Оставьте меня въ покоѣ!

БЕНИГСЕНЪ. Если вы...

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Убирайтесь къ чорту!

БЕНИГСЕНЪ. Если вы сейчасъ не согласитесь идти съ нами, я васъ убью на мѣстѣ.

Вынимаетъ пистолетъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Что за шутки!...

БЕНИГСЕНЪ. А вотъ увидите, какъ шучу.

Взводитъ курокъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Перестаньте, перестаньте же, Леонтій Леонтьевичъ...

БЕНИГСЕНЪ. Рѣшать извольте, пока сосчитаю до трехъ. Разъ — идете?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Послушайте...

БЕНИГСЕНЪ. Два — идете?

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Э, чортъ!...

БЕНИГСЕНЪ. Три.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Иду! Иду!

БЕНИГСЕНЪ. Ну давно бы такъ. (Палену.) Князь идетъ — пилюли изрядно подѣйствовали.

ПАЛЕНЪ. Ну вотъ и прекрасно! Значитъ, все готово. Хозяинъ, шампанскаго! Выпьемъ и съ Богомъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Ваше сіятельство, а какъ же мы въ замокъ войдемъ?

ПАЛЕНЪ (указывая на Аргамакова). А вотъ Александръ Васильичъ проведетъ — ему всѣ ходы извѣстны.

АРГАМАКОВЪ. Отъ Лѣтняго сада черезъ канавку по малому подъемному мостику.

ЯШВИЛЬ. А если не опустятъ мостикъ-то?

АРГАМАКОВЪ. По командѣ моей, какъ плацъ-адъютанта замка, опустятъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. А потомъ?

АРГАМАКОВЪ. Потомъ черезъ Воскресенскіе ворота, что у церкви, во дворъ и по витой лѣстницѣ прямо въ переднюю, къ дверямъ спальни.

ЯШВИЛЬ. Караула въ передней много ли?

АРГАМАКОВЪ. Два камеръ-гусара.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Изъ нашихъ?

АРГАМАКОВЪ. Нѣтъ. Да съ двумя-то, чай, справимся.

Деньщики подаютъ на подносахъ бокалы съ шампанскимъ.

ПАЛЕНЪ (подымая бокалъ). Съ новымъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ! Ура!

ВСѢ. Ура! Ура!

БЕНИГСЕНЪ (отводя Палена въ сторону). А игра-то, кажется, не стоитъ свѣчъ?

ПАЛЕНЪ. Почему?

БЕНИГСЕНЪ. А потому, что съ этими господами революціи не сдѣлаешь. Низложивъ тирана, только утвердимъ тиранство.

ПАЛЕНЪ. Ваше превосходительство, теперь поздно.

БЕНИГСЕНЪ. Поздно, да, — или рано. А жаль. Вѣдь можно бы... Эхъ!... Ну, да все равно. Le vin est tiré, il faut le boire. Идемте.

ПАЛЕНЪ. Идемте, господа!

ГОЛОСА. Идемте! Идемте!

ТАЛЫЗИНЪ. Ваше сіятельство, какъ же такъ, вѣдь мы ничего не рѣшили...

ГОЛОСА. Довольно! Довольно! Идемъ! Идемъ! Ура, свобода! Смерть тирану!

Всѣ уходятъ. Два деньщика, старый — Кузьмичъ и молодой — Ѳедя, гасятъ свѣчи, уби-

раютъ со стола, сливаютъ изъ бокаловъ остатки вина и пьютъ.

ѲЕДЯ. Дяденька, а, дяденька, грѣхъ-то какой — вѣдь они его убьютъ?

КУЗЬМИЧЪ. Убьютъ, Ѳедя, не миновать, убьютъ.

ѲЕДЯ. Какъ же такъ, дяденька, а? Царя-то?... Ахъ, ты, Господи, Господи!...

КУЗЬМИЧЪ. Да что, братъ, подѣлаешь? Отъ судьбы не уйдешь: убили Алешеньку, убили Иванушку, убили Петиньку — убьютъ и Павлушку. И сколько ихъ еще перебьютъ, Богъ вѣсть... Выпьемъ-ка, Ѳедя, за новаго!

ѲЕДЯ. Выпьемъ, Кузьмичъ! А только какъ же такъ, а? И какой-то еще новый будетъ?

КУЗЬМИЧЪ. Лучше стараго не быть! Да намъ, что новый, что старый, все едино — кто ни попъ, тотъ и батька.

Ѳедя поднимаетъ съ пола гитару, брошенную кн. Долгорукимъ, и безотчетно, какъ бы о другомъ думая, тихонько перебираетъ струны. Кузьмичъ, сперва тоже тихонько, а потомъ все громче, подпѣваетъ.

КУЗЬМИЧЪ.

Ахъ ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?
Я за то, про то калачницу убилъ,
Что не съ солію калачики пекла,

Не поджаристыя.

Занавѣсъ.

Четвертое дѣйствіе

Вторая картина

Комната княгини Анны Гагариной. Налѣво — дверь въ спальню; въ глубинѣ — дверь на лѣстницу, ведущую въ апартаменты государя. Направо — каминъ съ огнемъ. Въ углу стѣнные часы. Ночь.

Павелъ и Анна.

Анна сидитъ въ креслѣ у камина. Павелъ, у ногъ Анны, положилъ голову на ея колѣни и дремлетъ.

АННА. Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненькій!

ПАВЕЛЪ. Какіе у тебя глазки ясные — точно два зеркальца — вижу въ нихъ все и себя вижу маленькимъ, маленькимъ.... А знаешь, Аннушка, когда я такъ лежу головой на колѣняхъ твоихъ, то будто и вправду я — маленькій, и ты на рукахъ меня держишь, баюкаешь...

АННА. Спи, маленькій, спи, дѣточка!

ПАВЕЛЪ. Сплю, не сплю, а все что-то грезится давнее, давнее, дѣтское, такое же маленькое, какъ вотъ въ глазахъ твоихъ, зеркальцахъ. Большое-то забудешь, а малое помнится. Бывало, за день обидитъ кто, ляжешь въ постель, съ головой одѣяломъ укроешься и плачешь такъ сладко, какъ будто и радъ, что обидѣли... Ты это знаешь, Аннушка?

АННА. Знаю, милый. Нѣтъ слаще тѣхъ слезъ — пусть бы, кажись, всегда обижали, только бы плакать такъ...

ПАВЕЛЪ. Вотъ, вотъ... А тебя кто обижалъ?

АННА. Мачиха.

ПАВЕЛЪ. А меня мать родная... Ну, да не надо объ этомъ... За то, когда весело, такъ весело — расшалимся, бывало, съ Борей Куракинымъ, со стола учительскаго скатерть сдернемъ, и ну кататься, валяться — пыль столбомъ. Изъ шкаповъ книжныхъ полки повытаскаемъ, мосты военные строимъ. А лошадки, солдатики! А тамъ ужъ и дѣла сердечныя. Влюбляться то чуть не съ колыбели

началъ. Въ томахъ Энциклопедіи Французской — книжищахъ преогромныхъ, больше меня самого — все изъясненія къ слову Amour ищу и съ фрейлинами — противъ насъ жили во флигелѣ — въ окна переглядываемся. Не зналъ еще, что такое любовь, а ужъ дня не могъ прожить безъ страсти. Подышу на зеркало и выведу пальцемъ имя возлюбленной, а услышу, идутъ — сотру поскорѣе. Разъ на балу персикъ укралъ, спряталъ въ карманъ, чтобъ любезной отдать, да забылъ, сѣлъ, раздавилъ, по штанамъ потекло — срамъ. А красавицы-то, не шутя, на плутишку заглядывались: я вѣдь тогда, — не то что теперь, курносый уродъ, — мальчикъ былъ прехорошенькій. Портретикъ мой помнишь? Гдѣ онъ? Покажи-ка.

Анна снимаетъ съ шеи цѣпочку съ медальономъ и подаетъ Павлу.

ПАВЕЛЪ (глядя на портретъ). А-а! Я и забылъ, что мы тутъ вдвоемъ: на одной половинкѣ — я, на другой — онъ. Ровесники. Обоимъ лѣтъ по двѣнадцати. И похожи-то какъ! Двѣ капли воды! Не разберешь, гдѣ я, гдѣ онъ. Точно близнецъ аль двойникъ. Ну да и не диво — вѣдь сынъ родной, первенецъ, плоть и кровь моя, мальчикъ мой милый... Александръ, Александръ!...

Ломаетъ медальонъ и бросаетъ въ огонь.

ПАВЕЛЪ. Будь онъ проклятъ! проклятъ! проклятъ!

АННА. Что ты, Павлушка? Сына родного...

ПАВЕЛЪ. Отцеубійца!...

АННА. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрь, налгали тебѣ. — Александръ невиненъ...

ПАВЕЛЪ. Невиненъ? Онъ-то невиненъ? Да знаешь ли, что онъ со мною сдѣлать хотѣлъ? Пусть бы просто убилъ, какъ разбойникъ, ночью пришелъ и зарѣзалъ. Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Не тѣло, а душу мою умертвить онъ хотѣлъ — лишить меня разума... Съ ума-то свести можно всякаго, — только стой всѣ кругомъ, да подмигивай: вотъ,

молъ, сходитъ, сходитъ съ ума. Хоть кого, говорю, возьми, не выдержитъ, взбѣсится... А сошелъ бы съ ума, — посадили бы на цѣпь, пришли бы дразнить, какъ звѣря въ клѣткѣ, и я бы вылъ, вылъ, вылъ, какъ звѣрь или какъ вѣтеръ, слышишь? — въ трубѣ воетъ — у-у-у!...

АННА. Ненадо, ненадо, Павлушка миленькій! А то вѣдь и вправду можно...

ПАВЕЛЪ. Можно! А ты что думала? Когда тяжесть Россіи, тяжесть Европы, тяжесть міра, вся — на одной головѣ, то съ ума сойти можно. Богъ да я — и больше никого, вотъ что тяжко, — человѣку, пожалуй, и не вынести... Тронъ мой — крестъ мой, багряница — кровь, корона — терновый вѣнецъ, иглы пронзили мнѣ голову... За что, за что, Господи?... Да будетъ воля Твоя.... Но тяжко, тяжко, тяжко!...

Падаетъ на колѣни.

АННА (обнимая и цѣлуя голову Павла). Павлушка, бѣдный ты мой, бѣдненькій!...

ПАВЕЛЪ. Да — «Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!» — Знаешь, кто это сказалъ?

АННА. Кто?

ПАВЕЛЪ. Петръ.

АННА. Кто?

ПАВЕЛЪ. Государь императоръ Петръ I, мой прадѣдъ.

АННА. Во снѣ?

ПАВЕЛЪ. На яву.

АННА. Привидѣніе?

ПАВЕЛЪ. Не знаю, а только видѣлъ я его, видѣлъ, вотъ какъ тебя вижу сейчасъ. Давно было, лѣтъ двадцать назадъ. Шли мы разъ ночью зимою съ Куракинымъ по Набережной. Луна, свѣтло, почти какъ днемъ, только на снѣгу тѣни черныя. Ни души, точно все вымерло. На Сенатскую площадь вышли, гдѣ нынче памятникъ. Куракинъ отсталъ. Вдругъ слышу, рядомъ кто-то идетъ — гляжу — высокій, высокій, въ черномъ плащѣ, шляпа низко

— лица не видать. «Кто это?» — говорю. А онъ остановился, снялъ шляпу — и узналъ я — государь императоръ Петръ I. Посмотрѣлъ на меня долго, скорбно да ласково такъ, головой покачалъ и два только слова молвилъ, тѣ же вотъ, что ты сейчасъ: «Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!»

АННА. И что же?

ПАВЕЛЪ. Не помню. Упалъ, вѣрно, безъ чувствъ. Только, какъ пришелъ въ себя, вижу Куракинъ надо мною хлопочетъ, снѣгомъ виски третъ. «Это, говоритъ, у васъ отъ желудка». Что-жъ, можетъ быть, и отъ желудка. Никто ничего не знаетъ... А ты вѣришь въ привидѣнія, Аннушка?

АННА. Не знаю... Ненадо объ этомъ... страшно!...

ПАВЕЛЪ. Да, страшно! Все страшно — о чемъ ни подумаешь, какъ въ яму провалишься... Никто ничего не знаетъ... Паскаль говаривалъ, что вещь наималѣйшая такая для него есть бездна темноты, что разсудку на то не достанетъ... Такъ вотъ и я всего боюсь, а больше всего бояться боюсь... Ну, да правда твоя — ненадо объ этомъ... Лучше опять такъ — головой на колѣняхъ твоихъ — тихо, тихо — баю-баюшки-баю...

АННА. Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненькій!

ПАВЕЛЪ. Давнее, давнее, дѣтское... Клѣточка для чижиковъ, одинъ чижикъ прикованъ къ столбику съ обручемъ, а внизу вода — самъ таскаетъ ведерышкомъ; клѣточка, будто-бы, пустынь, а чижикъ — пустынникъ, «Дмитрій Ивановичемъ» звать, а другой на волѣ, тотъ — «Ванька слуга»... А еще столовые часики фарфоровые, бѣлые, съ цвѣточками золотыми да розовыми... Когда солнце на нихъ, то въ цвѣточкахъ веселіе райское...

Часы на стѣнѣ бьютъ три четверти одиннадцатаго.

ПАВЕЛЪ. Спать пора. Дастъ Богъ, усну сегодня сладко — сниться будетъ, что баюкаешь... А вѣтеръ-то

въ трубѣ опять какъ воетъ, слышишь? — у-у-у!... Точно мой Шпицъ. Собаченка проклятая — весь день выла — подъ ногами все вертится, въ глаза глядитъ и воетъ... Ну, прощай, Аннушка, спи съ Богомъ.

Павелъ встаетъ. Анна съ внезапнымъ порывомъ, обнявъ его, прижимается къ нему.

ПАВЕЛЪ. Что ты?

АННА. Не уходи! Не уходи!

ПАВЕЛЪ. Да что, что такое?

АННА. Не знаю... Страшно...

ПАВЕЛЪ. Напугалъ привидѣніями, что ли?

АННА. Не знаю... нѣтъ... не то...

ПАВЕЛЪ. Такъ что же?

Молчаніе. Анна еще крѣпче прижимается къ Павлу и дрожитъ.

ПАВЕЛЪ. А, вотъ что! Думаешь, убьютъ. Небось, не убьютъ. Пусть-ка сунутся, попробуютъ. Ребятушекъ моихъ намедни видѣла, какъ любятъ меня? Коли что, — умрутъ, а не выдадутъ... Ну, да и Паленъ, чай, не дуракъ.

АННА. Паленъ измѣнникъ.

ПАВЕЛЪ. А вотъ посмотримъ, — я уже послалъ за Аракчеевымъ — завтра же узнаемъ все.

АННА. Завтра? А если въ эту ночь?...

ПАВЕЛЪ. Небось, говорю, не успѣютъ. Да и какъ имъ войти? Послѣ вечерней зори — всѣ ворота заперты, мосты подняты: мы тутъ въ замкѣ, какъ въ осажденной крѣпости — рвы глубокіе, стѣны гранитныя, бойницы съ пушками — цѣлымъ войскомъ не взять.

АННА. А все-таки страшно, Павлушка!... Прости ты меня, глупую... Видно, и я, какъ собаченка твоя... Ну, родненькій, ну, миленькій, ну, что тебѣ стоитъ?.... Останься, побудь со мной до утра...

ПАВЕЛЪ. Что вы, княгиня? „Cela ne convient pas,“ — какъ говоритъ ея величество. Нѣтъ, не шутя, сударыня, я не хочу, чтобъ называли любовницей Павла ту, которую скоро назовутъ императрицею Всероссійскою.... Завтра же... Какой завтра день?

АННА. Понедѣльникъ.

ПАВЕЛЪ. А, тяжелый день... Ну да для кого — Понедѣльникъ, а для насъ — Воскресеніе. Завтра же я нанесу великій ударъ — падутъ на плахѣ головы, нѣкогда мною любимыя... Завтра старому конецъ — и новая жизнь — Воскресеніе!... Ну, прощай, а то вѣдь и вправду, пожалуй...

АННА. Останься! Останься!

ПАВЕЛЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Какъ вамъ не стыдно? Трусъ я, что ли? Мнѣ ли, самодержцу, великаго Прадѣда правнуку, бояться этой сволочи? Взгляну — и побѣгутъ, дохну — и разсѣятся. Яко таетъ воскъ отъ огня, побѣгутъ нечестивые. Съ нами Богъ! Не бойся же, Анна, и помни — съ нами Богъ!

Павелъ обнимаетъ Анну и уходитъ. Анна падаетъ въ кресло и сидитъ въ оцѣпенѣніи, глядя на огонь въ каминѣ. Потомъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ двери, въ которую ушелъ Павелъ.

АННА. Павлушка! Павлушка! (Прислушивается.) Ушелъ...

Возвращается на прежнее мѣсто у камина, садится и опускаетъ голову на руки.

АННА. Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!

Занавѣсъ.

Пятое дѣйствіе

Первая картина

Двѣ комнаты, раздѣленныя стѣною; направо — узкая прихожая-корридоръ; налѣво — спальня государя. Въ стѣнѣ — двойная дверь, соединяющая обѣ комнаты.

Въ глубинѣ прихожей запертая дверь на маленькую витую лѣстницу во дворъ. Далѣе — печка и скамья для часовыхъ. Направо — дверь въ пріемную и окно на Нижній Лѣтній садъ. На полу фонарь.

Въ глубинѣ спальни — маленькая походная кровать безъ занавѣсокъ, съ ширмами; ночникъ. Направо — голландская печка на ножкахъ и забитая наглухо дверь въ апартаменты государыни. Стѣны обложены деревомъ, крашеннымъ въ бѣлый цвѣтъ.

Павелъ, въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ, въ ночномъ колпакѣ спитъ на постели.

Въ прихожей два часовыхъ камеръ-гусара, Ропшинскій, помоложе и Кириловъ, постарше, дремлютъ на скамьѣ у печки.

Ропшинскій встаетъ, зѣваетъ, потягивается, подходитъ къ двери спальни, пріотворяетъ первую наружную дверь, прикладываетъ ухо къ замочной скважинѣ и прислушивается.

КИРИЛОВЪ. Спитъ?

РОПШИНСКІЙ. Спитъ.

КИРИЛОВЪ. Ну, слава Богу! Теперь до утра, чай, не проснется. Умаялся, столько-то ночей не спавши.

РОПШИНСКІЙ. Какъ легъ, такъ и заснулъ, точно ключъ ко дну пошелъ. И помолиться не успѣлъ.

КИРИЛОВЪ. Ну, Богъ проститъ. Что другое, — а къ молитвѣ усерденъ. Въ прежніе-то годы, въ Гатчинскомъ дворцѣ, бывало, такъ-то ночью тоже стоишь на часахъ у спальни и все сквозь двери слышишь, какъ молится, вздыхаетъ да охаетъ, лбомъ объ полъ колотитъ, земные поклоны кладетъ, — на паркетѣ протерты — и нынче видать — словно двѣ ямочки.

ПАВЕЛЪ (во снѣ). Часики фарфоровые бѣлые съ цвѣточками... Когда на нихъ солнце, то въ цвѣточкахъ веселіе райское...

РОПШИНСКІЙ (прислушиваясь). Бредитъ.

КИРИЛОВЪ. Ничего. Всегда во снѣ говоритъ, иной разъ по-русски, а иной — по-французски, внятно такъ, будто наяву; ежели въ день былъ веселъ, то бредитъ спокойно, а ежели какія противности, то и сквозь сонъ говоритъ угрюмо и гнѣваться изволитъ... О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе!... Сохрани и помилуй, Матерь Царица Небесная. Ложись-ка, Степа!

РОПШИНСКІЙ. Нѣтъ, я посижу, Данилычъ, а то, какъ лягу, не добудишься.

КИРИЛОВЪ. Ну, съ Богомъ! А я тутъ у печки прикорну — дѣло наше старое — поясницу что-то ломитъ — не къ морозу ли? — дай Богъ морозца да солнышка!...

Кириловъ разстилаетъ шинель на полу и укладывается. Ропшинскій дремлетъ, сидя на скамьѣ и прислонившись головой къ печкѣ. Сначала издали, потомъ все ближе и ближе, наконецъ, у самыхъ оконъ, на деревьяхъ Лѣтняго сада, слышится воронье карканье.

РОПШИНСКІЙ. Слышишь, Данилычъ?

КИРИЛОВЪ. А что?

РОПШИНСКІЙ. Воронье-то раскаркалось.

КИРИЛОВЪ. Да, вишь, проклятые. И съ чего это ночью имъ вздумалось? Не къ добру, ой, не къ добру!... То собаченка выла весь день, а то воронье... Какъ бы государя не взбудили. Спугнулъ ихъ, что ли, кто? Да кому ночью по саду ходить?... Погляди-ка, Степа, что тамъ такое?

РОПШИНСКІЙ (глядя въ окно). Не видать — стекло замерзло. Вверху, будто, прояснѣло, вызвѣздило, а внизу не то вьюга мететъ, не то люди идутъ — много людей... войско...

КИРИЛОВЪ. Какое тамъ войско, Господь съ тобой! Съ просонокъ, чай, мерещится?

РОПШИНСКІЙ. Можетъ, и мерещится — мутно, бѣло — не видать...

Отходитъ къ скамьѣ.

КИРИЛОВЪ. Ну то-то... Дѣло ночное — всяко бываетъ... А ты оградись крестомъ да молитвою — чуръ насъ, чуръ — тебя и не тронетъ... (Крестится и зѣваетъ.) О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе!... Сохрани и помилуй, Матерь Царица Небесная...

Кириловъ и Ропшинскій засыпаютъ. Воронье карканье стихаетъ. Фонарь чадитъ и гаснетъ. Въ окнѣ голубоватый отсвѣтъ лунной вьюги.

ПАВЕЛЪ (во снѣ). Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой миленькій...

Стукъ съ лѣстницы въ наружную дверь прихожей.

КИРИЛОВЪ (просыпаясь). Стучатъ.... Степа, а. Степа?

РОПШИНСКІЙ (въ полуснѣ). Воронье... воронье Охъ, Данилычъ, что мнѣ приснилось-то... (Совсѣмъ проснувшись.) А? Что?... Стучатъ?...

КИРИЛОВЪ. О, Господи! Ужъ не бѣда ли какая?... Помилуй, Матерь Царица Небесная... (Надѣвъ саблю и подойдя къ двери.) Кто тамъ?

ГОЛОСЪ АРГАМАКОВА (изъ-за двери). Отворяй! Отворяй!

КИРИЛОВЪ. Да кто? Кто такой?

ГОЛОСЪ АРГАМАКОВА. Оглохъ, старая тетеря, не слышишь, что ли, по голосу? Я, я — Аргамаковъ, плацъ-адъютантъ...

КИРИЛОВЪ. Александръ Васильичъ, ваше высокоблагородіе, чего угодно?...

ГОЛОСЪ АРГАМАКОВА. Продери-ка глаза, пьяная рожа! Аль забылъ, съ кѣмъ говоришь?... Я къ его величеству съ рапортомъ.

КИРИЛОВЪ. Государь почивать изволятъ, — будить не велѣно...

ГОЛОСЪ АРГАМАКОВА. Врешь, дуракъ! О пожарахъ и ночью докладывать велѣно.

КИРИЛОВЪ. Пожаръ? Гдѣ пожаръ?

ГОЛОСЪ АРГАМАКОВА. Въ Адмиралтействѣ. Да чортъ тебя дери, долго ли мнѣ тутъ съ тобой разговари-

вать... Ужо на гауптвахтѣ выпорю, такъ узнаешь, сукинъ сынъ, какъ команды не слушаться... Отворяй!

КИРИЛОВЪ. Сейчасъ, сударь, сейчасъ. Фонарь потухъ — темно — ключа не найду... (Тихо Ропшинскому.) Степа, а, Степа? Бѣды бы не вышло?... Не взбудить ли государя, что ли?...

РОПШИНСКІЙ. Нѣтъ, Данилычъ, упаси Боже будить — убьетъ... Пусть ужъ полковникъ самъ, какъ знаетъ, а наше дѣло — сторона...

ГОЛОСЪ АРГАМАКОВА. Отворяй же! Отворяй, чортъ, анаѳема!...

РОПШИНСКІЙ. Вишь, какъ лютъ — пожалуй, и вправду, засѣчетъ. Отворяй-ка скорѣе, Данилычъ.

КИРИЛОВЪ. О, Господи, Господи! Помилуй, Матерь Царица Небесная...

Отпираетъ дверь. Входитъ Аргамаковъ. За нимъ — Бенигсенъ, кн. Яшвиль, Бибиковъ, Татариновъ, Скарятинъ, Николай и Платонъ Зубовы — съ глухими фонарями и шпагами наголо.

КИРИЛОВЪ. Кто такіе?... Кто такіе?... Ой, ой... батюшки!... Караулъ!...

РОПШИНСКІЙ (убѣгая направо). Караулъ!

КИРИЛОВЪ (выхвативъ саблю изъ ноженъ и становясь передъ дверью спальни). Стой! Стой!

Заговорщики окружаютъ Кирилова.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Саблю долой!

Ударомъ шпаги выбиваетъ у Кирилова саблю и ранитъ его въ руку.

КИРИЛОВЪ (падая). Государь! Государь! Бунтъ!

ПАВЕЛЪ (на мгновенье проснувшись, приподымается на постели). Кто тамъ? Кто тамъ? (Падаетъ навзничь и, опять засыпая, бредитъ.) Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой милый... я такъ и зналъ... ну, слава Богу...

ЯШВИЛЬ (приставивъ ду́ло пистолета къ виску Кирилова). Молчи — убью!

АРГАМАКОВЪ (хватая кн. Яшвиля за руку). Что вы, князь, — всѣхъ перебудите.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Ротъ платкомъ! Тащи внизъ!

Кирилову затыкаютъ ротъ и стаскиваютъ по лѣстницѣ.

АРГАМАКОВЪ. А другой?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Убѣжалъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Бѣда! Тревогу подыметъ.

БЕНИГСЕНЪ. Не успѣетъ. А наши-то гдѣ?

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Разбѣжались. Кто на лѣстницѣ да на дворѣ остался, а кто — въ саду, — какъ давеча вороны-то раскаркались, — всѣ перетрусили.

БЕНИГСЕНЪ. Ну, чортъ съ ними! Насъ довольно. Только скорѣе, скорѣе! (Подойдя къ двери спальни, отворяетъ наружную дверь и пробуетъ отворить внутреннюю.) Изнутри заперся, значитъ, тамъ. (Прислушивается.) Вѣрно, спитъ. У кого инструментъ?

АРГАМАКОВЪ. Здѣсь.

БЕНИГСЕНЪ. Отпирайте.

АРГАМАКОВЪ (Платону Зубову). Фонарь подержите.

ГОЛОСА ЗАГОВОРЩИКОВЪ (съ лѣстницы). Бѣгите! Бѣгите! Тревога!

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Господа, слышите?...

Дрожитъ и роняетъ фонарь.

БЕНИГСЕНЪ. Эхъ, князь, теперь не время дрожать.

ПАВЕЛЪ (просыпаясь). Кто?... Кто?... Кто?...

Соскочивъ съ постели, подбѣгаетъ къ двери и прислушивается.

БЕНИГСЕНЪ. Инструментъ, что ли, испортился?

АРГАМАКОВЪ. Нѣтъ, да замокъ аглицкій, съ фокусомъ — отмычка не беретъ.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Ну-ка, плечомъ — авось, подастся.

Напираетъ плечомъ на дверь. Дверь трещитъ. Павелъ отбѣгаетъ въ противоположный конецъ спальни, забивается въ уголъ у печки за ширмами и плотно прижимается, какъ будто расплющивается, весь бѣлый, на бѣлой стѣнѣ, почти невидимый. Дверь открывается. Заговорщики вбѣгаютъ въ спальню.

ЯШВИЛЬ (освѣтивъ постель фонаремъ). Убѣжалъ.

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Куда? Не въ окно же выскочилъ.

БЕНИГСЕНЪ (пощупавъ постель). Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin. Спрятался.

Ищутъ, заглядываютъ въ шкапы, подъ кресла, подъ столъ, подъ кровать.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (указывая подъ ширмы). Ноги!

БИБИКОВЪ. Тьфу! Точно въ прятки играемъ...

БЕНИГСЕНЪ (отодвигая ширмы). Онъ!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Да что съ нимъ такое? Будто не живой...

БЕНИГСЕНЪ. Ваше величество...

АРГАМАКОВЪ. Не слышитъ...

СКАРЯТИНЪ. Отъ страха ошалѣлъ — столбнякъ...

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. А вотъ посмотримъ...

Подноситъ фонарь къ лицу Павла и тихонько, однимъ пальцемъ дотрагивается до руки его. Павелъ, весь, съ головы до ногъ, вздрагиваетъ и отпрядываетъ отъ стѣны, какъ будто хочетъ броситься на заговорщиковъ. Всѣ отступаютъ.

ПАВЕЛЪ (быстро и невнятно, какъ въ бреду). Что?... Что?... Что?... Что?... Что?... Что?...

БИБИКОВЪ. Экая мерзость!... Господа, нельзя же такъ... Чортъ знаетъ что такое!... Кончайте скорѣе!

БЕНИГСЕНЪ (Платону Зубову). Князь, отреченіе у васъ? Ступайте же, ступайте, говорите, какъ рѣшили. Да ну же, ну!...

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ (вытирая потъ съ лица). Сейчасъ... сейчасъ... я только немного...

БЕНИГСЕНЪ (подталкивая Платона Зубова). Да ну же, ступайте!... Э, чортъ васъ дери!...

Платонъ Зубовъ выступаетъ впередъ, держа въ рукахъ Манифестъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Sire, nous venons au nom de la patrie... Нѣтъ, не могу... Дурно... Воды...

БЕНИГСЕНЪ (вырвавъ у Платона Зубова Манифестъ). Ну васъ къ чорту! (Подойдя къ Павлу.) Ваше величество, вы арестованы...

ПАВЕЛЪ. Арестованъ? Арестованъ? Что значитъ — арестованъ?...

БЕНИГСЕНЪ. Арестованы и низложены. Государь-наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, объявленъ императоромъ. На вашу жизнь никто посягнуть не осмѣлится: я буду охранять особу вашего величества. Предайтесь же намъ совершенно. Но въ случаѣ сопротивленія малѣйшаго, я не отвѣчаю...

ПАВЕЛЪ. Господи!... Господи!... Господи!... Что я вамъ сдѣлалъ?... Что я вамъ сдѣлалъ?...

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Четыре года тиранилъ, злодѣй!

ТАТАРИНОВЪ. Давно бы съ тобою покончить!

БЕНИГСЕНЪ. Господа, перестаньте! Мы пришли сюда для спасенія отечества, а не для низкаго мщенія. (Подавая Павлу Манифестъ.) Sire, ayez l'obligeance de signer sur le champs cet acte d'abdication...

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Эхъ, генералъ, чего французить. Лучше мы по-русски... Ну-ка, Павелъ Петровичъ, добромъ говоримъ — отрекайся, а то, сударь, плохо будетъ!

ПАВЕЛЪ (подымая руки вверхъ, торжественно, внезапно измѣнившимся голосомъ). Я... я... я... помазан-

никъ Божій.... самодержецъ Всероссійскій.... Убейте, убейте!... Не отрекусь... Съ нами Богъ!... Съ нами Богъ!...

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Видите, совсѣмъ рехнулся. Что съ нимъ разговаривать?... Кончать надо!

СКАРЯТИНЪ. Не разбивши яицъ, не сдѣлаешь яичницы!

Толпа остальныхъ заговорщиковъ вбѣгаетъ съ лѣстницы въ прихожую. Шумъ, крики, смятеніе.

ГОЛОСА (въ прихожей). Бѣгите! Бѣгите! Бѣгите! Спасайтесь!

БЕНИГСЕНЪ. Что такое?

ТАЛЫЗИНЪ (вбѣгая изъ прихожей въ спальню). Скорѣе, скорѣе! Кончайте! Караулъ идетъ!...

ПАВЕЛЪ (бросаясь къ двери). Караулъ! Караулъ! Помогите!...

БЕНИГСЕНЪ (со шпагою наголо, заступая дорогу Павлу). Restez tranquille, sire, il y va de vos jours!

ПАВЕЛЪ. Пустите! Пустите! Караулъ!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Чего орешь, сукинъ сынъ!...

Хватаетъ Павла за руку. Тотъ вырываетъ у него руку. Николай Зубовъ ударяетъ его кулакомъ по виску. Онъ падаетъ. Толпа изъ прихожей врывается въ спальню.

ГОЛОСА. Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе! Идутъ!

ПАВЕЛЪ (подымаясь). Помогите! Помогите, ребятушки!

Кн. Яшвиль кидается на Павла. Оба падаютъ. На нихъ наваливаются другіе, передніе — на заднихъ, образуя на полу кучу копошащихся тѣлъ. Ширма опрокинута. Ночникъ погасъ. Свалка.

БЕНИГСЕНЪ. Стой! Стой!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Небось, братцы, Никола вывезетъ! Бей!

ГОЛОСА. Бей! Смерть тирану!

ЯШВИЛЬ. Шпагу! Шпагу давай!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Зачѣмъ шпагу? Ненадо крови — души!

ТАТАРИНОВЪ. Веревку!

АРГАМАКОВЪ. Веревки-то нѣтъ...

СКАРЯТИНЪ. Подушками!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Гдѣ тутъ возиться!...

ТАТАРИНОВЪ. Шарфомъ!

СКАРЯТИНЪ. Вотъ!

ТАТАРИНОВЪ. Петлю!

СКАРЯТИНЪ. Готово!

НИКОЛАЙ ЗУБОВЪ. Надѣвай!

СКАРЯТИНЪ. Выбился, чортъ!

ПАВЕЛЪ. Помогите! Помогите!...

ТАТАРИНОВЪ. Ну-же, тяни!

СКАРЯТИНЪ. Руку подсунулъ — не стянешь.

ПАВЕЛЪ. Ради Бога!.... Ради Бога!.... Помолиться!...

ТАТАРИНОВЪ. Стягивай! Стягивай! Стягивай!

ПАВЕЛЪ Александръ! Александръ!

Занавѣсъ.

Пятое дѣйствіе

Вторая картина

Парадная лѣстница Михайловскаго замка; гранитныя ступени между двумя баллюстрадами изъ сѣраго сибирскаго мрамора и пилястрами изъ полированной бронзы. Двѣ площадки, верхняя и нижняя; съ нижней — двѣ лѣстницы между мраморными колоннами, направо, во дворъ замка, налѣво, въ апартаменты Александра; съ верхней — дверь направо, въ апартаменты Павла, налѣво, въ Тронную залу; въ глубинѣ — большое окно-дверь на балконъ и площадь передъ замкомъ.

Ранее, еще темное утро. Потомъ свѣтаетъ.

Марія Θеодоровна. Александръ. Константинъ. Елизавета. Гр. Паленъ. Бенигсенъ. Талызинъ. Аргамаковъ. Кн. Яшвиль. Татариновъ. Скарятинъ. Маринъ. Полторацкій. Роджерсонъ. Гр. Головкинъ. Кн. Голицынъ. Нарышкинъ. Кушелевъ. Княгиня Ливенъ. Митрополитъ Амвросій. Духовникъ Исидоръ. Духовенство. Придворные чины. Камеръ-гусаръ. Истопникъ. Чиновникъ. Солдаты.

На лѣстницѣ — никого. Темнота. Тишина.

КАМЕРЪ-ГУСАРЪ (перебѣгая верхнюю площадку справа налѣво). Царя убили! Царя убили!

Опять долго никого. На нижнюю площадку справа выбѣгаетъ Марія Өеодоровна съ распущенными волосами, въ ночной рубашкѣ, въ туфляхъ на босую ногу, въ шубѣ, накинутой на одно плечо, спадающей и волочащейся по полу. За нею — княгиня Ливенъ.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. Paulchen! Paulchen! Paulchen!

Взбѣгаетъ на верхъ по лѣстницѣ, спотыкается, падаетъ, теряетъ туфлю, встаетъ и бѣжитъ дальше.

ЛИВЕНЪ. Ваше величество... погодите... туфля, туфля... ваше величество!...

Марія Өеодоровна убѣгаетъ направо; за нею — кн. Ливенъ. На нижнюю площадку справа входитъ поручикъ Полторацкій, за нимъ солдаты.

ПОЛТОРАЦКІЙ. Ребята, за царя!

Полторацкій съ обнаженною шпагою взбѣгаетъ до середины лѣстницы, за нимъ — солдаты. На верхнюю площадку справа выходятъ Паленъ и Бенигсенъ.

ПАЛЕНЪ. Караулъ, стой!

Солдаты останавливаются.

ПАЛЕНЪ. Его величество государь императоръ Павелъ I скончался апоплексическимъ ударомъ. Государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ изволилъ вступить на престолъ.

Молчаніе — потомъ глухой ропотъ солдатъ.

СОЛДАТЫ. Не вѣрь, братцы, не вѣрь.... Убили, убили!... Злодѣи!...

ПАЛЕНЪ Смирно! (Полторацкому.) Извольте, поручикъ, сводить караулъ.

ПОЛТОРАЦКІЙ. Ваше сіятельство...

ПАЛЕНЪ. Молчать! Какъ вы смѣете, сударь, команды не слушаться?... (Солдатамъ.) Я васъ всѣхъ ужо, сукины дѣти... пикни только!

ПОЛТОРАЦКІЙ (солдатамъ). Смирно!

Ропотъ стихаетъ.

ПОЛТОРАЦКІЙ. На плечо!

Солдаты берутъ на-плечо.

ПОЛТОРАЦКІЙ. На-право-кругомъ-маршъ!

Полторацкій и солдаты, сойдя по лѣстницѣ, уходятъ направо.

ПАЛЕНЪ. Уфъ! Еще минута и бросились бы на насъ... прескверная штука, неугодно ли стаканъ лафита!

БЕНИГСЕНЪ. Только покойникъ и спасъ.

ПАЛЕНЪ. Покойникъ?

БЕНИГСЕНЪ. Ну да, — вышколилъ такъ, что довольно скомандовать, чтобы стали машинами.

ГОЛОСЪ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ (за дверью). Пустите! Пустите! Пустите!

ПАЛЕНЪ. Что такое?

БЕНИГСЕНЪ (заглядывая въ дверь). Государыня.

ГОЛОСЪ Кн. ЯШВИЛЯ. Вытащите вонъ эту бабу!

ГОЛОСЪ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. Paulchen! Paulchen!... Ой-ой-ой...

БЕНИГСЕНЪ. Однако, не церемонятся... Видѣли?

ПАЛЕНЪ. А что?

БЕНИГСЕНЪ. Татариновъ схватилъ ее въ охапку и понесъ, какъ ношу.

На верхнюю площадку справа входитъ лейбъ-медикъ Роджерсонъ.

ПАЛЕНЪ. А, докторъ. Ну что, какъ у васъ тамъ?

РОДЖЕРСОНЪ. Раньше ночи не поспѣемъ.

ПАЛЕНЪ. Что вы, сударь, помилуйте. Сегодня же надо выставить.

РОДЖЕРСОНЪ. Невозможно, графъ. Сами видѣть изволили, на что похожъ — узнать нельзя, такъ искалѣчили.

ПАЛЕНЪ. Мерзавцы! Какъ же, генералъ, хоть вы не удержали?

БЕНИГСЕНЪ. Удержишь ихъ! Звѣри. Мертваго били.

ПАЛЕНЪ. Что же дѣлать, докторъ, а?

РОДЖЕРСОНЪ. Сдѣлаемъ, что можемъ — только не торопите. Тамъ теперь два живописца работаютъ...

ПАЛЕНЪ. Живописцы?

РОДЖЕРСОНЪ. Да, красятъ. Только, знаете, господа, съ мертвеца-то на мертвецѣ портретъ писать не очень пріятно. Старичекъ, учитель рисованія — изъ Академіи Художествъ привезли — такъ испугался, что едва параличъ не хватилъ. Другой, помоложе, все храбрится. Только, если и онъ за эту ночь посѣдѣетъ, я не удивлюсь.... Что еще сказать-то я хотѣлъ?... Затѣмъ и пришелъ, да вотъ не вспомню... кажется, и у меня голова не въ порядкѣ... Да, да, за такія ночи люди сѣдѣютъ...

ПАЛЕНЪ. Успокойтесь, докторъ. А то, ежели всѣ мы потеряемъ голову...

РОДЖЕРСОНЪ. Постойте-ка, дайте припомнить.... Ахъ, да, — языкъ!

ПАЛЕНЪ. Языкъ?

РОДЖЕРСОНЪ. Ну да, что съ языкомъ дѣлать? Высунулся, распухъ — никакъ въ ротъ не всунешь — придется отрѣзать...

ПАЛЕНЪ. Ну будетъ, будетъ! Ступайте, дѣлайте, что хотите, — только, ради Бога, оставьте насъ въ покоѣ и кончайте скорѣе.

Роджерсонъ уходитъ. Поручикъ Маринъ входитъ на нижнюю площадку слѣва.

МАРИНЪ. Его величество.

ПАЛЕНЪ. Не пускать! Сказать, что нельзя...

МАРИНЪ. Говорили — не слушаетъ, плачетъ, рвется сюда — не удержишь — руки на себя наложить хочетъ... Да вотъ и самъ.

Александръ взбѣгаетъ по лѣстницѣ.

АЛЕКСАНДРЪ. Батюшка! Батюшка! Батюшка!

Хочетъ войти въ дверь направо. Паленъ не пускаетъ.

ПАЛЕНЪ. Ваше величество, государь родитель...

АЛЕКСАНДРЪ. Вы его...

ПАЛЕНЪ. Скончался.

АЛЕКСАНДРЪ. Убили.

Падаетъ безъ чувствъ на руки Бенигсена и Палена.

ПАЛЕНЪ. Доктора!

Маринъ выбѣгаетъ и тотчасъ возвращается съ Роджерсономъ. Александра кладутъ на полъ и стараются привести въ чувство.

ПАЛЕНЪ. Ну, что?

РОДЖЕРСОНЪ. Надо быть осторожнѣе, графъ, а то можетъ скверно кончиться... Пока отнести бы въ спальню.

ПАЛЕНЪ. Несите.

МАРИНЪ (въ дверь направо). Ребята, сюда!

Входятъ караульные солдаты.

МАРИНЪ. Подымай! Легче, легче!

Маринъ, Роджерсонъ и солдаты сносятъ на рукахъ Александра по лѣстницѣ. Всѣ уходятъ. Лѣстница долго остается пустою. Свѣтаетъ. Въ окнѣ ясное зимнее утро, голубое небо и первые лучи солнца. — На нижнюю площадку справа входятъ Истопникъ и Чиновникъ.

ЧИНОВНИКЪ. Умеръ ли? Точно ли умеръ, а?

ИСТОПНИКЪ. Да говорятъ же, умеръ, Ѳома Невѣрный!

ЧИНОВНИКЪ. А бальзамировать будутъ?

ИСТОПНИКЪ. Сейчасъ потрошатъ, а къ вечеру и бальзамируютъ.

ЧИНОВНИКЪ. Значитъ, умеръ. Слава Те, Господи!... (Крестится.) Аллилуйя, аллилуйя и паки аллилуйя! Съ новымъ государемъ, кумъ! Поцѣлуемся...

ИСТОПНИКЪ. Ну тебя, отстань! Вишь, нализался...

ЧИНОВНИКЪ. Выпилъ, братъ, есть грѣхъ, да какъ на радостяхъ-то не выпить. Весь городъ пьянъ — въ погребахъ ни бутылки шампанскаго. А на улицахъ-то народу тьма тьмущая — снуютъ, бѣгаютъ, — словно ошалѣли всѣ — обнимаются, цѣлуются, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. И денекъ-то выдался свѣтлый такой — то все была слякоть да темень, а нынче съ утра солнышко, будто нарочно для праздника. Ну, да и подлинно, праздникъ — Воскресеніе, Воскресеніе Россіи!... Ура!

ИСТОПНИКЪ. Тише ты! Услышатъ — долго ли до грѣха — бѣды съ тобой наживешь...

ЧИНОВНИКЪ. Небось, кумъ, теперь — свобода... Иду я давеча сюда по Мойкѣ, а навстрѣчу офицеръ гусар-

скій по самой серединѣ панели верхомъ скачетъ да кричитъ: «Свобода! Гуляй душа, — все позволено!»

ИСТОПНИКЪ. Рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла... Да ну-же, ступай — слышишь, идутъ...

Истопникъ и Чиновникъ уходятъ направо. Роджерсонъ и Маринъ входятъ на нижнюю площадку слѣва.

МАРИНЪ. Пойду, доложу его сіятельству.

РОДЖЕРСОНЪ. Попросите же, чтобъ графъ поосторожнѣе, а то, ежели опять, какъ давеча, — я ни за что не отвѣчаю — разсудка можетъ лишиться.

МАРИНЪ. Слушаю-съ.

Маринъ, взойдя по лѣстницѣ, уходитъ направо. Роджерсонъ — налѣво. Кн. Платонъ Зубовъ и оберъ-церемоніймейстеръ графъ Головкинъ входятъ на верхнюю площадку слѣва.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Всѣмъ чинамъ военнымъ и гражданскимъ въ Зимній дворецъ, въ Большую церковь съѣзжаться для учиненія присяги. Митрополита повѣстить не забудьте.

ГОЛОВКИНЪ. Митрополитъ внизу въ церкви ждетъ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Зачѣмъ? Кто просилъ?

ГОЛОВКИНЪ. Самъ пріѣхалъ. Панихиды служить.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Панихиды не будетъ, пока тѣла не выставятъ. Такъ и скажите дураку — пусть во дворецъ ѣдетъ.

ГОЛОВКИНЪ. Слушаю-съ.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Eh bien, comte, qu'est ce qu'on dit du changement?

ГОЛОВКИНЪ. Mon prince, on dit que vous avez eté un des romains.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Да, дѣло было жаркое — потрудились мы на пользу отечества...

Уходятъ. Александръ входитъ на нижнюю площадку слѣва. Елизавета и Роджерсонъ ведутъ его подъ руки.

РОДЖЕРСОНЪ. Потихоньку, потихоньку, ваше величество. Присядьте, отдохнуть извольте...

Камеръ-лакей приноситъ стулъ и уходитъ. Александръ садится. Елизавета даетъ ему нюхать спиртъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Ничего... прошло... Только вотъ голова немного... Все забываю... Что, бишь, я говорилъ-то, Лизанька? А?

ЕЛИЗАВЕТА. Объ отреченіи, Саша.

Роджерсонъ, взойдя по лѣстницѣ, уходитъ направо.

АЛЕКСАНДРЪ. Да, отреченіе... А ты мнѣ что? Вотъ опять забылъ...

ЕЛИЗАВЕТА. Я говорила, что сейчасъ нельзя, послѣ...

АЛЕКСАНДРЪ. Послѣ... послѣ... всю жизнь... всегда — каждый день, каждый часъ, каждую минуту — тоже, что сейчасъ вотъ — это, это, это — и больше ничего... Какъ съ этимъ жить, какъ съ этимъ царствовать? Ты знаешь?... Я не знаю... я не могу... пусть кто можетъ... а я не могу... не могу... не могу!...

ЕЛИЗАВЕТА. Что же дѣлать, Саша? Надо.

АЛЕКСАНДРЪ. Надо... и нельзя — опять, какъ тогда, помнишь? — надо и нельзя, нельзя и надо. Что-жъ это такое, Господи?... Сойти бы съ ума, что ли... не думать, не помнить... забыть... О-о-о!... Нѣтъ, не забудешь... Годы пройдутъ, вѣчность пройдетъ, а это — никогда, никогда, никогда!...

Елизавета становится на колѣни, обнимаетъ и цѣлуетъ голову Александра.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну полно же, полно... Сашенька... родненькій!...

АЛЕКСАНДРЪ. Хорошо... не буду... Только что еще сказать-то я хотѣлъ? Что, бишь, такое?... Да, да... власть отъ Бога... нѣсть бо власть аще не отъ Бога. А знаешь, Лизанька, вѣдь тутъ что-то неладно... А ну, какъ не отъ Бога власть самодержавная? Ну, какъ тутъ мѣсто проклятое — станешь на него и провалишься?... Проваливались всѣ до меня — и я провалюсь... Ты думаешь, съ ума схожу, брежу?... Нѣтъ, я теперь знаю, что говорю, — можетъ, потомъ и забуду, а теперь знаю... Тутъ, говорю, чортъ къ Богу близко, близехонько — Бога съ чортомъ спутали такъ, что не распутаешь.

Марія Өеодоровна входитъ на нижнюю площадку справа. Она въ утреннемъ шлафрокѣ, волосы неубраны, на головѣ шаль.

АЛЕКСАНДРЪ. Матушка!

Подходитъ къ Маріи Өеодоровнѣ, хочетъ обнять ее, но, взглянувъ ей въ лицо, отступаетъ. Она смотритъ на него пристально, какъ будто не узнаетъ.

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА. А-а, ваше высочество... ваше величество... Вы — здѣсь... А тамъ были?... Нѣтъ?... Я оттуда сейчасъ. Все не пускали... Заднимъ ходомъ прошла — караулъ поставить забыли... Видѣла... Ступайте же и вы, посмотрите... Онъ тамъ... да точно ли онъ, не знаю... трудно узнать... Что они съ нимъ сдѣлали? Набѣлили, нарумянили, что ли?... Шляпу надѣли криво... Никогда онъ такъ не носилъ... А подъ шляпою что?... Посмотрѣть хотѣла — не позволили... Можетъ быть, позволятъ вамъ... Ступайте же. Васъ ждутъ — корону принесли и васъ ждутъ, чтобы вы на него возложили, а потомъ съ него — на себя, на себя, на себя... корону...

АЛЕКСАНДРЪ. Матушка! Матушка!

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Теперь васъ поздравляю: вы — императоръ!

АЛЕКСАНДРЪ. О-о-о!...

Падаетъ на колѣни, закрывъ лицо руками. Марія Ѳеодоровна, не взглянувъ на него, проходитъ мимо, налѣво. Елизавета и Роджерсонъ бросаются къ Александру, подымаютъ и усаживаютъ. Паленъ, Бенигсенъ, Аргамаковъ, Талызинъ, Депрерадовичъ, Николай Зубовъ, Татариновъ и другіе заговорщики входятъ на верхнюю площадку.

АРГАМАКОВЪ (тихо Палену). Ваше сіятельство, въ Преображенскомъ неладно.

ПАЛЕНЪ. Что такое?

АРГАМАКОВЪ. Шумятъ, команды не слушаютъ: «Покажите, говорятъ, государя покойнаго, а то присягать не будемъ.»

ПАЛЕНЪ. Сейчасъ нельзя — тамъ не убрано...

АРГАМАКОВЪ. Какъ бы не вышло бѣды, ужъ очень бунтуютъ...

ПАЛЕНЪ (тихо). Подождите, приберемъ немного и пустимъ два ряда, покажемъ издали... Чортъ съ ними, коли такъ преданы, — пускай наглядятся!

Съ площади доносятся стукъ барабана, звуки трубъ, возрастающій гулъ голосовъ, крики войскъ. Заговорщики въ смятеніи — приходятъ, уходятъ, бѣгаютъ, кричатъ, машутъ руками, указываютъ и заглядываютъ въ окна.

ГОЛОСА ЗАГОВОРЩИКОВЪ. Слышите? Бунтъ! Бунтъ! Чего же смотрите?... Гдѣ государь?... Государя къ войскамъ... Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе!

Паленъ, Бенигсенъ, Николай Зубовъ, Татариновъ и другіе заговорщики сбѣгаютъ по лѣстницѣ и окружаютъ Александра.

ПАЛЕНЪ. Ваше величество, пожалуйте... Что такое? Опять обморокъ?...

ЕЛИЗАВЕТА. Ничего, пройдетъ. Погодите минутку...

ПАЛЕНЪ. Ждать нельзя. Если государь къ войскамъ не выйдетъ тотчасъ же, можетъ быть бунтъ... Пожалуйте, ваше величество.

АЛЕКСАНДРЪ. Ненадо! Ненадо! Ненадо!... О-о-о!...

ПАЛЕНЪ. Полно, полно, государь! Не время теперь. Благополучіе сорока милліоновъ людей зависитъ отъ вашей твердости. Пожалуйте, пожалуйте же, ваше величество! —

Паленъ и Бенигсенъ съ одной стороны, Николай Зубовъ и Татариновъ — съ другой, берутъ Александра подъ руки и ведутъ, какъ будто насильно тащатъ, вверхъ по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ открываютъ стеклянную дверь на балконъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Ненадо! Ненадо!... О-о-о!... Что я скажу имъ, что я скажу?...

ПАЛЕНЪ. Скажите только: «государь императоръ скончался ударомъ — все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ.» Но, ради Бога, повеселѣе, ваше величество — нельзя же такъ... Слезки-то, слезки вытереть извольте. Ну, съ Богомъ!

Александръ выходитъ на балконъ.

ВОЙСКА (съ площади). Ура! Ура! Ура!

Великій князь Константинъ, оберъ-церемоніймейстеръ гр. Головкинъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, адмиралъ Кушелевъ и другіе придворные въ парадныхъ мундирахъ выходятъ на верхнюю площадку слѣва. На нижнюю справа — дворцовые караулы Семеновскаго, Преображенскаго, Лейбъ-гренадерскаго, Кавалергардскаго, Конногвардейскаго и другихъ полковъ со знаменами и штандартами. Караулы становятся по обѣимъ сторонамъ лѣстницы съ эспантонами наголо.

АЛЕКСАНДРЪ (съ балкона). Государь императоръ скончался... все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ...

ВОЙСКА (съ площади). Ура! Ура! Ура!

ТАЛЫЗИНЪ (указывая на Александра). Точно ангелъ въ лазури небесной паритъ!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. А солнце-то, солнце — се Александровыхъ дней восходящее солнце!

КОНСТАНТИНЪ (Кушелеву, указывая на заговорщиковъ). Я бы ихъ всѣхъ повѣсилъ!... А впрочемъ, наплевать...

На верхней площадкѣ толпа разступается; митрополитъ Амвросій съ духовенствомъ входитъ справа.

ГОЛОВКИНЪ. Пожалуйте, владыка, карету подали.

АМВРОСІЙ. Иду, иду — только вотъ государя поздравить.

Александръ выходитъ съ балкона.

АМВРОСІЙ (подойдя къ Александру и благословляя его). Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго.

Александръ опять, какъ давеча, падаетъ на колѣни, закрывъ лицо руками.

АМВРОСІЙ (положивъ руки на голову Александра). Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего, императора Александра Павловича спаси, Господи, и помилуй. Силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется. Положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна, даси ему благословеніе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАЛЕНЪ. Господа, въ Зимній дворецъ. Владыка, пожалуйте, ваше величество.

Паленъ и другіе заговорщики берутъ Александра подъ руки и сводятъ по лѣстницѣ, какъ будто несутъ на рукахъ. Онъ идетъ съ опущенной головой, съ мертвенно блѣднымъ ли-

цомъ, едва передвигая ногами. Караулъ, отдавая честь императору, склоняютъ къ ногамъ его знамена и штандарты. Съ площади слышатся «Ура!» и военная музыка — Екатерининскій маршъ:

Славься, славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать.

ВСѢ. Ура! Ура! Ура, Александръ!

ГОЛИЦЫНЪ (тихо Нарышкину). Не на престолъ, будто, а на плаху ведутъ.

НАРЫШКИНЪ. Еще бы! Дѣдушкины убійцы позади, батюшкины — впереди, а рядомъ, можетъ быть, его собственные убійцы...

ТАЛЫЗИНЪ (заговорщикамъ). Господа, слышали, Аракчеевъ здѣсь — у государя проситъ аудіенціи.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. А вотъ посмотримъ, приметъ ли...

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ. Какъ не принять? Рубашками-то съ тѣла помѣнялись недаромъ, братья названные.

БЕНИГСЕНЪ. Помяните слово мое, господа: умеръ Павелъ, живъ Аракчеевъ — умеръ звѣрь, живъ звѣрь.

КУШЕЛЕВЪ (забѣгая впередъ и становясь на колѣни передъ Александромъ). Благословенъ Грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!

ВСѢ. Ура! Ура! Ура, Александръ!

Занавѣсъ.

M.G.

BÜHNEN- UND BUCHVERLAG RUSSISCHER AUTOREN
J. LADYSCHNIKOW, BERLIN W. 15., Uhlandstr. 52.

Поступили въ продажу:

Максимъ Горькій.

Мать. Романъ	4,—	м.
Дѣти солнца	2,—	„
Варвары	2,—	„
Враги	2,—	„
Дачники	2,—	„
Въ Америкѣ	1,50	„
Тюрьма	1,50	„
Букоемовъ. Дѣвочка	—,90	„
Разск. Филиппа Вас.	—,90	„
А. П. Чеховъ	—,90	„
Человѣкъ	—,60	„
9-е января	—,60	„
Товарищъ!	—,50	„
Прекрасная Франція	—,50	„
Король республики	—,50	„
Жрецъ морали	—,50	„
Хозяева жизни	—,50	„
Русскій царь	—,50	„
Солдаты	1,—	„

Евгеній Чириковъ.

Мужики	2,—	„
Мятежники	1,50	„
Легенда стараго замка	1,50	„
Евреи	1,50	„
Красные огни	1,—	„
На порукахъ	1,—	„
„Товарищъ“	—,50	„
На порогѣ жизни	—,60	„

Семенъ Юшкевичъ.

Голодъ	2,—	„
Прологъ	2,—	„
Евреи	2,—	„
Дина Гланкъ	1,50	„
Чужая	1,—	„

Леонидъ Андреевъ.

Савва (Ignis Sanat.)	2,—	м.
Къ звѣздамъ	1,50	„
Жизнь Человѣка	1,50	„
Царь-Голодъ	1,50	„
Іуда Искаріотъ и др.	1,50	„
Жизнь Василія Ѳивейскаго	1,50	„
Красный смѣхъ	1,20	„
Тьма	1,20	„
Губернаторъ	1,20	„
Проклятіе звѣря	1,—	„
Такъ было	—,75	„
Христіане	—,50	„
Елеазаръ	—,50	„

Скиталецъ.

Полевой судъ	—,50	„
Лѣсъ разгорался	—,50	„
Огарки (Распродано).	—	

Давидъ Айзманъ.

Терновый кустъ	1,50	„

В. Вересаевъ.

Честнымъ путемъ	1,—	„

Н. Гаринъ.

Корейскія сказки	2,—	„

Левъ Дейчъ.

Четыре побѣга	2,50	„

Осипъ Дымовъ.

Каждый день	1,—	„

Кн. С. Д. Урусовъ.

Записки Губернатора	3,—	„

